

УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ»
АДМИНИСТРАЦИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ г. ДРУСКИНИНКАЙ
ДРУСКИНИНКАЙСКИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Материалы
Международной научно-практической
конференции

(Гродно, 10–11 декабря 2019 г.)

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2020

УДК 008:(316.42+338)

ББК 71.041

К90

Рекомендовано Научно-методическим советом учреждения культуры
«Гродненский государственный музей истории религии»

Редакционная коллегия:

Янчеловская Р. В., директор учреждения культуры
«Гродненский государственный музей истории религии» (гл. ред.);

Рыбак О. А., заместитель директора учреждения культуры
«Гродненский государственный музей истории религии»;

Коханова О. Н., главный специалист отдела
культурно-просветительной работы, искусств и учебных заведений
управления культуры Гродненского областного
исполнительного комитета;

Донских С. В., кандидат культурологии, доцент кафедры туризма
и культурного наследия учреждения образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

Жекене Д., администратор по культурной работе
Друскининкайского центра культуры

К90 **Культурное наследие в контексте устойчивого развития : материалы**
Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 10–11 дек. 2019 г.) / Гродн. гос.
музей ист. религии, Адм. самоупр. г. Друскининкай, Друскининк.
центр культуры ; редкол.: Р. В. Янчеловская (гл. ред.) [и др.]. –
Гродно : ГрГУ, 2020. – 59 с.

ISBN 978-985-582-349-1

Представлены материалы Международной научно-практической конференции, проведённой по проекту ENI-LLB-1-242 «Культурное наследие по обе стороны границы» Программы трансграничного сотрудничества Латвия–Литва–Беларусь в рамках Европейского инструмента соседства на 2014–2020 годы (стратегический приоритет – «Поддержка и сохранение культурно-исторического наследия и традиционных ремёсел»). Рассматриваются проблемы культурного наследия в когнитивной парадигме исторической науки, анализируется туристический потенциал объектов культурного наследия. Адресуется учёным, экспертам в области культуры и туризма, представителям туристических компаний и органов местного самоуправления, сотрудникам музеев, историкам, культурологам.

УДК 008:(316.42+338)

ББК 71.041

ISBN 978-985-582-349-1

© Оформление. Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2020

УДК 007:044

Сергей Козуля,
старший научный сотрудник учреждения культуры
«Гродненский государственный музей истории религии»;
Любовь Зорина,
искусствовед

СУДЬБЫ ПОРТРЕТОВ ИЗ БЕРЁЗОВСКОГО МОНАСТЫРЯ КАРТУЗИАНЦЕВ

В фондах Гродненского государственного музея истории религии хранятся три портрета монахов ордена картузианцев. Они были обнаружены в 2003 г. на чердаке гродненского францисканского костела Матери Божьей Ангельской и в 2009 г. переданы в музей. Работы написаны на холсте масляными красками. В 2011–2013 гг. они были отреставрированы гродненским художником-реставратором Владимиром Кислым.

На портретах изображены деятели картузианского ордена. Перечислим их по порядку. 1) Гвиго де Кастро (1083–1136) – пятый приор монастыря в Шартрезе (Франция), составитель монашеского устава, автор ряда богословских сочинений. Изображение поясное, левая рука лежит на книге, в поднятой правой – перо. В нижней части холста на белом фоне текст: «R[everendus] P(ater) Guigo V generalis Ord(ini)s N(ostr)i Clarus ge/nere clarior scie(n)tia et sanctitate hic pri/mus Consuetudines scripsit Obiit A. D. 1136 (?) ... 27 Junij» (Достопочтенный отец Гвиго, пятый генерал нашего ордена, знатного рода... известный ученостью и святостью. Он первый написал устав. Умер в 1136 году... 27 июня) [1, с. 53; 2, с. 65]. 2) Джон Хьютон (1486–1535) – настоятель картузианского монастыря в Лондоне, погиб мученической смертью за отказ признать короля Генриха VIII главой Церкви. Поясное изображение, в руках распятие и пылающее сердце. В нижней части полотна на белом фоне текст: «V(enerabilis) P(ater). Ioannes Neuton Prior d(omu)s: Londini et Visitor Provin(ciae). An(g) / liae Vir magnae Sanctitatis cum duob(us) alijs Priorib(us) nostri / Ordin(is) vita pijs pro defensione r S(anctae) R(omanae) E(cclesiae) crudely morte/siublatus 4 Maii 1535» (Достопочтенный отец Джон Хьютон, приор лондонского монастыря и визитатор провинции Англия, муж великой святости вместе двумя другими приорамы нашего ордена, которые благочестиво жили, за защиту Святой Римской Церкви жестокой смертью возвышен. 4 мая 1535) [3; 2, с. 64]. 3) Генрих де Калкар (1327–1408) – настоятель монастыря в Моникхёйзене (Нидерланды), автор первой работы по истории ордена, духовный учитель Герта Гротте (1340–1384), основателя братства общей жизни. Поясное изображение с книгой в руках. В нижней части полотна на белом фоне текст: «V(enerabi)lis P(ater) Henricus de Kalkar Prior Dom(us) Monichey/sensis. Vir sanctitate & doctrina Venerabil(is). Hic Magi/stru(m) Ger(ar)du(m) Magnum a mu(n)di studio evocavit, dequo Memenit/

V(enerabilis) T(hom)as a Kemp(is): in vita Gerardi Ob(iit): Octogen(arius) / De 20 Decembris 1468» (Достопочтенный Отец Генрих де Калкар, приор монастыря в Моникхёйзене, муж, почтенный святостью и наукой. Он призвал от дел этого мира Магистра Герарда Великого, вспоминает о нем почтенный Фома Кемпийский в жизнеописании Герарада. Умер (в возрасте) 80 лет дня 20 декабря 1468) [4; 2, с. 64–65].

Еще три портрета были обнаружены в начале 2000-х гг. польским искусствоведом Марией Коломайской-Саид в гродненском францисканском костёле Матери Божьей Ангельской. На них также изображены деятели ордена картузианцев. 1) Жан Бирель (? – ум. 1361) – приор монастыря в Шартрезе, генерал ордена. Изображение поясное. Текст надписи сильно поврежден. 2) Гийом де Ренальд (? – ум. 1402) – генерал ордена картузианцев. Поясное изображение с поднятой правой рукой. В нижней части фрагмент текста на белом фоне: «R. P. Willeumus Reynaldi (?) Generalis Ord. / XXV. Scientia Virtutibus ornatus, Cardinal...» (Достопочтенный отец Гийом Ренальд, XXV генерал ордена, украшенный наукой и добродетелью). 3) Иоанн из Брунека (?–1377), епископ бриксенский, канцлер герцога Австрии Рудольфа IV Габсбурга. Изображение поясное, с пером в поднятой правой руке. В нижней части фрагмент текста на белом фоне: «M. D. Ioannes de Bronice». В последних двух портретах первоначальные надписи закрашены, а поверх них сделаны новые, которые представляли вышеупомянутых лиц как соответственно папу Сикста V (1521–1590) и Иакова Плихту (?–1407), виленского епископа. Причину этих изменений нужно видеть в принадлежности обоих деятелей к францисканскому ордену. По мнению М. Коломайской-Саид, уже в середине XIX века портреты картузианцев использовали для украшения галереи выдающихся деятелей францисканского ордена на хорах гродненского костела [5, с. 53].

В 1992 году в фонды Гродненского историко-археологического музея поступил портрет картузианца Эразма из Виртхайма [6]. До этого работа находилась в бернардинском костёле Гродно. Эразм из Виртхайма (?–1474 (75)) занимал должность аббата картузианского монастыря в Грюнау (Бавария). Портрет был отреставрирован в 2010 году Владимиром Кислым. Монах представлен по пояс, в полуоборота, с книгой в руках. В нижней части текст на белом фоне: «P(ater) Erasmus de Wirtheim ex Illustri Germaniae Comite humilis factus Cartusianus professus in Domo Colonensi. Obiit vero cum (m) (insi) gni) vitae Sanctitate Anno 145...» (Отец Эразм из Виртхайма из знатной немецкой графской семьи, принял монашество в Кельнском монастыре. Умер в святости жизни в году 145 (?)) [2, с. 65].

Таким образом, в гродненских музеях и в францисканском костеле хранятся семь портретов монахов картузианского ордена. Все они принадлежат кисти одного художника и были созданы в первой половине XVIII века на территории Речи Посполитой [5, с. 36, 54]. На момент написания произведений духовные лица, изображенные на портретах, не являлись

святыми и, следовательно, их изображения не выполняли какой-либо сакральной функции. Наиболее вероятно, работы находились в каком-либо картузианском монастыре.

На территории Речи Посполитой ордену принадлежали три обители: Картузы (около Гданьска), Гидле (Радомский повет), Береза Картузская (Брестский повет). Монастырь в Берёзе – ближайший к Гродно, поэтому информацию о портретах нужно искать в документации этой обители. В актах визитации березовского монастыря за 1820 г. написано, что в капитулярнии и в коридоре монастырского корпуса находилось «портретов с картузианскими изображениями в деревянных рамах, рисованных различным образом, штук семьдесят семь» (*Portretów w wyobrażeniach kartuzskich w ramach drewnianych różne malowanych sztuk siedmdziesiąt siedm*) [7, с. 108]. В 1831 г. монастырь в Берёзе был ликвидирован российскими властями за поддержку национально-освободительного восстания 1830–1831 гг. [8]. В описи конфискованного властями движимого монастырского имущества от 21 ноября 1832 г. упоминаются среди прочего «картин живописных иностранной, посредственной работы, изображающих святых из картузианского ордена сто шесть» [9, л. 72, об.]. Эта цифра существенно расходится с актами визитации 1820 г. Поскольку в описи 1832 г. произведения живописи больше нигде не фигурируют, можно прийти к выводу, что составители документа посчитали все живописные работы, которые имелись в монастыре, а не только портреты монахов [10, с. 141].

Другие данные приводятся в исследовании Марии Коломайской-Саид. Она пишет о 65 произведениях галереи *viribus illustris*, из которых 52 представляли портреты деятелей картузианского ордена [5, с. 54]. Автор ссылается на «Дело о передаче духовному ведомству драгоценных вещей и картин, конфискованных у Берёзовского картезианского монастыря», которое было составлено в том же 1832 году [11]. Расхождение с актами визитации 1820 г. очевидно. Возможно, что в период 1820–1832 гг. 12 портретов исчезло либо по какой-нибудь другой причине не попало в перечень.

Между 1832 и 1835 гг. картины и скульптура из упраздненного монастыря были перевезены в Гродно, который был в то время центром губернии. Здесь они поступили в губернскую казенную палату, которая передала их виленскому римско-католическому епископу. Сохранилось письмо 1835 г. администратора Виленской епархии Андрея Бенедикта Клонгевича к администратору гродненского прихода ксендзу Юзефу Швейковскому. Бенедикт Клонгевич распорядился просмотреть «бюсты и картины» и решить, «что с этого имущества какому из гродненских женских или мужских монастырей, или что в костелы Фарный и гимназические... можно было передать» [12, л. 1]. Для консультации он советовал обратиться в Гродно к знатокам скульптуры и живописи, в частности к учителю рисования Тодору Милаковскому [12, л. 1]. (Тодор (Юзеф) Милаковский (1800 – около 1850) – художник, ученик Яна Рустема) [5, с. 52]. В конце концов, экспертизой про-

изведений искусства занимались учитель рисования Гродненской доминиканской школы ксендз Пётр Карны и ювелиры Михал Лаферт, Антоний Полута, Якуб Прэзиг и Михал Протасевич [5, с. 52].

Мы не знаем, как распределило руководство Гродненского деканата ценности из березовского монастыря. Но судьбу отдельных произведений можно проследить. Мария Коломайская-Саид обратила внимание, что в каталоге архива гродненского монастыря бригиток под № 44 значится: «Список икон из монастыря ксендзов картузианцев, принятых сёстрами бригитками по распоряжению Его Преосвященства епископа Клонгевича 1835 г.» [13, с. 23, № 44]. Исследователь считает, что в 1835 г. часть портретов картузианцев попала в гродненский монастырь бригиток [5, с. 53]. В том же году портреты Гийома де Ренальда и Иоанна из Брунека попали в гродненский францисканский монастырь. Вероятно, тогда же они были переделаны во францисканцев Якуба Плихту, епископа виленского, и в папу Сикста V, а затем использованы для украшения храма. Неизвестный корреспондент журнала *Przegląd Katolicki*, который в 1880 г. посетил гродненский монастырь, упоминает портрет Якуба Плихты как «уникальный во всем крае» [14, с. 106].

Произведения живописи из Березы распределялись не только по костелам города, но и по деревенским приходам. Свидетельством этого является «Инвентарная опись имущества Кашубинской либо Котранской римско-католической часовни», составленная 20 декабря 1900 г. ксендзом Домиником Ярошем. Согласно документу, «по сторонам каплицы, то есть по стенам... развешены девять портретов некоторых святых и аскетов картузского ордена» [15, л. 2 об.]. Аналогичная информация содержится в инвентарях 1909, 1913, 1915 гг. [15, л. 7 об.; 16, л. 2]. В инвентаре 1945 года фиксируется на один портрет меньше [10, с. 142]. После закрытия в 1962 г. часовни в Кашубинцах советской властью произведения живописи перевезли в ближайший храм в Козловичах, но и тот был вскоре закрыт. Согласно свидетельствам местных жителей, все имущество вместе с портретами вывезли в Гродно и, вероятно, разместили в бернардинском и францисканском костелах [17, с. 17]. Оттуда в 1992 и 2009 гг. они были переданы в гродненские музеи.

Таким образом, в этой публикации мы проследили судьбы отдельных произведений живописи из березовского монастыря картузианцев. На очереди основательное искусствоведческое изучение портретов. Остается открытым вопрос об авторе и месте их создания, об особенностях письма и иконографии. Мы не знаем, куда попали остальные 70 произведений живописи из березовского монастыря. Работа с инвентарями костелов Гродненского деканата, возможно, поможет ответить на этот вопрос.

The article considers the history of several portraits of figures of the Catholic monastic order of the Cartesians who made up a small part of the art collection of the monastery of the Cartesians in Biaroza. Based on the documents, the fate of the collection is traced after the monastery was closed in 1831.

Straipsnyje pristatomi kelių reikšmingų Katalikų ordino Karteziečių vienuolių portretų, kurie sudarė nedidelę Karteziečių vienuolyno Biarozoje meno kolekcijos dalį, istorija. Remiantis dokumentais, kolekcijos likimas atsektas po to, kai 1831 m. vienuolynas buvo uždarytas.*

Список литературы

1. Гродненский государственный музей истории религии (далее – ГГМИР). – КП 26999. – Портрет Гвиго де Кастро ; холст, масло ; 101×75 см ; XVIII в.
2. Piramidowicz, Dorota. Kościół Sw. Krzyża i klasztor kartuzów w Berezie / Dorota Piramidowicz, Rafał Witkowski // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa Brzeskoliteńskiego. – Kraków : Wydawnictwo «Antykwa», 2014. – T. 2.
3. ГГМИР. – КП 2700. – Портрет Джона Хьютона ; холст, масло ; 98,2×75,5 см ; XVIII в.
4. ГГМИР. – КП 2701. – Портрет Генриха де Калкара ; холст, масло ; 98,2×76,8 см ; XVIII в.
5. Kałamajska-Saeed, Maria. Kościół p. w. Matki Boskiej Anielskiej i klasztor Franciszkanów / Maria Kałamajska-Saeed // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa trockiego. – Kraków : Wydawnictwo «Antykwa», 2016. – 226 s.
6. Гродненский государственный историко-археологический музей. – КП 105874. – Портрет Эразма из Виртхайма ; холст, масло ; 100,3×76 см ; XVIII в.
7. Akt wizytacji kościoła i klasztoru kartuzów w Berezie z r. 1820 // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa Brzeskoliteńskiego. – Kraków : Wydawnictwo «Antykwa», 2014. – T. 2. – 214 s.
8. Witkowski, Rafał. Szkice dziejów Kartuzji Bereskiej 1648–1831 / Rafał Witkowski // Lituano-Slavica Posnaniensia studia historica. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1997. – T. VII. – S. 74–116.
9. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 11. – Третья опись движимому имению, конфискованному в Берёзском картузианском монастыре.
10. Зорина, Л. Портреты картузских монахов из гродненских музеев / Л. Зорина, С. Козуля // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі. Бяроза і Бярозаўскі раён. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – С. 140–143.
11. Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). – Ф. 384. Оп. 15. Д. 441. – Дело о передаче духовному ведомству драгоценных вещей и картин, конфискованных у Берёзского Картезианского монастыря.
12. Библиотека Академии Литвы имени Врублевских. Отдел рукописей. – Ф. 43. Д. 5693.
13. Kałamajska-Saeed, Maria. Archiwum i biblioteka klasztoru brygidek w Grodnie. Inwentarz z 1925 r. i stan współczesny / Maria Kałamajska-Saeed. – Wrocław : Wrocławskie Towarzystwo Miłośników Historii, 2015.
14. Przegląd Katolicki. – 1880. – № 7.
15. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 886. Оп. 1. Д. 423. – Инвентарная опись имущества Кашубинской или Котранской р. к. каплицы. 20 дек. 1900 г.
16. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 886. Воп. 1. Д. 519. – Инвентарная опись, составленная кс. Адамом Бараковским по прибытие в Кашубинцы. 11 нояб. 1915 г.
17. Зорина, Л. Сакральное искусство Гродненщины / Л. Зорина. – Гродно : ЮрСаПринт, 2018.

*Пристайейное резюме в издании даецца на двух языках для расшырэння чытацельскай аўдыторыі.

Игорь Гончарук,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
учреждения культуры «Гродненский государственный музей
истории религии»

ХРАМ НЕ МЕСТО ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ? ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

В последнее время в Гродно увеличился поток туристических групп, в том числе из Литвы, Польши, Российской Федерации. Гости нашего города с интересом знакомятся с архитектурными памятниками и достопримечательностями, многие из которых имеют общеевропейское культурное значение. В числе наиболее часто посещаемых туристических объектов города находятся христианские храмы – католические костелы и православные церкви. Вместе с тем, в связи с ростом процесса глобализации и секуляризации, у некоторых людей наблюдается отход от понимания сущности христианского храма, в котором они часто видят лишь внешнюю, зримую сторону, не осознавая, для чего он служит. Вековые храмы, в которых сохранились памятники сакрального искусства, сравниваются с государственными музеями, а все входящие – с посетителями.

Поэтому важной задачей в ознакомлении с христианским храмом является не только передача его визуальных характеристик, что само по себе, безусловно, важно, но и ненавязчивое толерантное объяснение образного контекста его христианской сущности. Приобретение целостного представления о цивилизационном значении христианского храма – важная составляющая культурного развития человека как личности вне зависимости от его собственных мировоззренческих установок.

Реализация поставленных в этом направлении задач предусматривает выделение понятия церкви как института, как культового учреждения и, возможно, как памятника архитектуры, если она этим светским статусом обладает.

В прошлом здания церквей и монастырей играли большую роль в планировочной структуре города. Они были архитектурными доминантами, собирали в определённые комплексы городские кварталы и привязывали их к себе. Вертикальные акценты подсказывали, где находится тот или иной район, как в отношении к нему размещается человек [3, с. 90–96].

Бой колоколов регламентировал уклад городской жизни, сопровождал церемонии и общегородские торжества [2, с. 67]. В подведомственных Церкви зданиях могли быть скриптории, храниться книги и документы, проходить гражданские собрания и мероприятия. Каменные здания христианских храмов составляли определённый отсчёт материальной культуры. Их архитек-

турно-художественные формы характеризовали стилевые направления в искусстве, а в интерьерах были представлены сакральные произведения, которые отвечали духовным запросам общества [1, с. 9–35, 96–127, 204–243].

При закладке храма человек руководствовался представлениями миро-воззрения своего времени. Считалось, что христианский храм никогда не был предметом изобретения архитектора, а был даром Бога. Зодчий в своем деле руководствовался идеей создания, согласно которой любое создание – подражание Творцу Богу, который организовал мир из хаоса и беспорядка путём его организации при помощи числа, меры и веса. Недаром сам Творец иногда изображался как Великий Архитектор Мироздания. Геометрия, основа архитектуры, к новому времени считалась священной наукой. На основе числа-идеи, вечной и нематериальной, представлялось, что был создан Космос, все вещи, время и движение, небо и звезды. Люди верили, что человек поставлен на земле, чтобы продолжать дальше дело творения. Поэтому считалось, что архитектор строит не по собственным соображениям, а в соответствии с пропорциями, полученными от Духа. В отличие от языческого храма, который представлялся только жилищем Бога и хранилищем его сокровищ, христианская церковь возникла с идеей «дома молитвы», в котором Бог постоянно не живет, но присутствует. Место же пребывания Бога представлялось вне всякого пространства и времени [5, с. 20–28, 36].

Церковь считалась преемницей ветхозаветной скинии и храма Соломона. Как и они, церковь также сохранила структуру из трех частей – алтарь, среднюю часть (наос) и западную часть (нартекс). Трактровка ее внутреннего пространства, которая была дана отцами церкви, глубоко символична и динамична по горизонтали и по нарастающей вверх. Восточная часть – образ незримого неземного мира и рая. Боковые стены храма символизируют Ветхий и Новый Завет. Главный вход, ориентированный в сторону заходящего солнца, где света меньше всего, в направлении угасающего зримого света, образует пороговую границу между миром потусторонним и сакральным началом святости. Внутри храма священное значение внутреннего пространства по мере приближения к алтарю увеличивается. Это путь, который символизирует дорогу спасения, дорогу, которая ведёт к божественному миру [5, с. 47–49].

Безбашенные, однобашенные или двухбашенные здания храмов эпохи барокко имели ярусное членение и симметрию, что высказывало идею восхождения к Богу, доносило до верующих ощущение всеобъемлемости верховной власти [4, с. 96]. Количество башен и куполов символизировало теологический аспект религиозного учения (две башни – божью и человеческую сущности Иисуса Христа, одна башня костёла либо колокольня при входе в церковь – Богоматерь, пять куполов в православной церкви – Христа и четырех евангелистов). Средневековые строители знали аналоги

между архитектурными пропорциями и музыкальными интервалами и время от времени отражали их в архитектурных формах. Очевидно, что храм воспринимался не просто как здание, а как святыня, которая своими видимыми формами и средствами передает то, что увидеть невозможно. Его трактовка основывалась не в проявлениях индивидуализма мастера, а на «объективных» канонических законах [6, с. 201].

С течением времени сформировались особенности католического и православного культов, что оказало влияние на внутреннее оформление храма. В православной церкви установился многоярусный иконостас, в котором каждый ряд (чин) получил свой теологический аспект, в католическом костеле – главный и боковые алтари, амвон, исповедальни, скамейки.

Смысл и назначение христианского храма – в совершении богослужения, которому подчинены все виды искусства.

Службы имеют музыкальное сопровождение – вокальное и инструментальное (в костелах). Это не случайно, так как из всех искусств именно музыка считалась наиболее возвышенным и идеальным искусством, наиболее приближенным к Богу. Многие христианские мыслители подчеркивали мысль о божественной сущности религиозной музыки.

В культовой практике Православной Церкви использовалось одногласное пение, с середины XVI в. в результате собственной эволюции и западных влияний православная музыка обогатилась техникой партесного исполнения. Многоголосная музыка с использованием музыкальных инструментов исполнялась преимущественно в богослужениях приходских костелов. Ни один музыкальный инструмент по репрезентативности, мощи и многокрасочности своего звучания, по прочности связей с культовыми обрядами не мог сравниться с органом. Наиболее высоко в католической музыке оценивался григорианский хорал (одноголосное литургическое пение на латинском языке без использования музыкальных инструментов), который исполнялся преимущественно в монастырях.

Христианская святыня представляет собой синтез искусств. Архитектура подчиняет себе живопись, пластику (рельефы, барельефы, горельефы, круглую скульптуру), декоративно-прикладное искусство.

Важную роль во внутреннем убранстве католического и православного храмов играет икона.

Восприятие православной иконы имеет свои особенности. Своеобразная манера письма православного иконописца отличается от приемов светской живописи не потому, что иконописец не мог по-другому писать, а потому, что православная икона – это строго церковная живопись, которая имеет свои критерии и язык. Икона создается по канону; в нем нет места идеализации образа и свободному полету фантазии художника, что характерно для западноевропейской сакральной живописи. Так, видимое небо никогда не отображается, потому что его нет в том мире, который

служит иконописцу темой. В сценах отсутствует внешний источник света. Свет излучается из ликов, фигур, нимбов, пробивает одежды, горы, архитектуру. Отсутствуют тени. В православной иконописи применяется обратная перспектива. В ней совмещается в одно несколько временных моментов, которые происходят в разных местах и в разное время. Точка схождения всех линий находится не на плоскости иконы, а за её границами, в том месте, где находится созерцающий её.

Католическая иконопись в Беларуси, в отличие от православного канона, развивалась под влиянием западноевропейской сакральной живописи (прямая перспектива, объемность образов, произвольная трактовка сюжета). Католический культ икон на белорусских землях складывался под влиянием православной традиции иконопочитания и идеологических споров с протестантами, которые отвергали иконы. В костёле наибольшее распространение получили иконы, написанные на холсте. Почитаются также иконы византийской иконографии, написанные как на холсте, так и на доске либо на другом материале. Католический Костёл сохранил отношение к иконе как к священному божественному образу. Поэтому для католика неприемлема трактовка написанной на холсте иконы как картины, что характерно для светского искусствоведения, которое отличает православную икону, написанную на доске, и алтарную картину в костёле, написанную на холсте. Примером местной католической иконописи является представленная в Гродненском государственном музее истории религии написанная на холсте гродненским монахом доминиканцем Гилярием Хоецким во второй половине XVII в. икона «Святое Семейство».

В интерьере католического костёла широко представлена скульптура, которая стала новым этапом в развитии пластики белорусских земель. Её необычайно стремительное развитие и разнообразие особенно проявилось с XVII в. В Беларуси создаются значительные алтарные ансамбли с большим количеством скульптур, увеличивается масштаб фигур [7, с. 353]. Появляется фасадная скульптура. В православных церквях развивалась прорезная декоративная резьба. Следует подчеркнуть, что традиционная белорусская скульптура – это круглая деревянная скульптура, поскольку никаких других распространённых и дешевых материалов для её изготовления в Беларуси не было. В экспозиции Гродненского государственного музея истории религии экспонируется уникальное по времени создания Распятие XVI века работы местного талантливого мастера.

Общественная значимость храмов и монастырей определялась тем, что они могли быть центрами образования и просвещения. Под опекой Церкви и православных братств создавались учебные заведения и типографии (католические, православные, грекокатолические, протестантские). Частью образовательно-воспитательного процесса был школьный театр. Отцы иезуиты открывали общественные аптеки. При крупных храмах действовали

инструментальные капеллы, которые обслуживали и общественные мероприятия [4, с. 52].

Все вышеперечисленные тезисы являются важными составляющими комплексного представления христианского храма.

Кроме того, комплексное восприятие цивилизационного значения христианского храма способствует лучшему пониманию отечественной культуры, которая развивалась под влиянием двух христианских традиций – византийской и западноевропейской. Культурологический опыт осмысления национального культурного наследия как составной части общечеловеческой культуры – основа интеллектуального развития личности, фундамент воспитания гражданина, который сохраняет свои национальные корни, способен к самореализации в условиях многонационального и многоконфессионального общества.

In his article the author writes about the need to form a fuller image of the Christian church and its civilizing significance. The topic seems to be important due to the intensification of the process of globalization and secularization, causing lack of knowledge about what Christian churches are and what they serve for. More and more often temples which preserve works of sacred art are equated with museums, forgetting that they are houses of prayer. That is why the author briefly names some important characteristics of churches, showing their religious essence. He states that a church is first of all a place of performing religious rites, although at the same time it can be a work of art, which is a synthesis of different kinds of visual arts: architecture, plastic art, painting, music, etc. He points out that comprehensive perception of the church as a sacred place and at the same time a cultural monument is an important element of intellectual development of a person, conducive to their cultural education.

Straipsnyje autorius iškelia būtinybę suformuoti visapusiškesnį Krikščionių Bažnyčių įvaizdį ir pabrėžia jų šviečiamąją reikšmę. Ši tema reikšminga dėl suaktyvėjusio globalizacijos ir sekuliarizacijos proceso, dėl kurio trūksta žinių apie tai, kas yra Krikščionių Bažnyčios ir kam jos tarnauja. Vis dažniau šventyklos, kuriose saugomi sakralinio meno kūriniai, prilyginamos muziejams, pamirštant, kad tai yra maldos namai. Dėl šios priežasties autorius trumpai įvardija keletą svarbių bažnyčių ypatybių, pabrėždamas jų religinę esmę. Jis teigia, kad bažnyčia visų pirma yra maldos namai, nors tuo pat metu ji gali būti ir meno kūrinys, apimantis įvairių vaizduojamojo meno rūšių, tokių kaip, architektūros, skulptūros, tapybos, muzikos ir t. t., sintezę. Jis pabrėžia, kad visapusiškas bažnyčios – tiek kaip šventos vietos, tiek kaip kultūros paminklo suvokimas yra svarbus asmenybės intelektualinio tobulėjimo veiksnys, skatinantis jos kultūrinį išprusimą.

Список литературы

1. Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 2 : Другая палова XVI – канец XVIII ст. / рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 384 с.
2. Дадіомова, О. В. Музыкальная культура городов Белоруссии в XVIII веке / О. В. Дадіомова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 207 с.

3. Кишик, Ю. Н. Градостроительная культура Гродно / Ю. Н. Кишик. – Минск : Беларуская навука, 2007. – 303 с.
4. Лазука, Б. А. Беларускае барока / Б. А. Лазука. – Мінск : Беларусь, 2001. – 144 с.
5. Hani, J. Symbolika świątyni chrześcijańskiej / J. Hani. – Kraków : Znak, 1998. – 201 s.
6. Kłoczowski, J. Dzieje chrześcijaństwa polskiego / J. Kłoczowski. – Paryż, 1987. – Т. 1. – 259 s.
7. Topolska, M. B. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim / M. B. Topolska. – Poznań, 2002. – 448 s.

УДК 94(476):272«18»

Анатолий Гутовский,
магистр исторических наук,
младший научный сотрудник учреждения культуры
«Гродненский государственный музей истории религии»

**ФИКСАЦИЯ «ЧУДЕС» В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
И ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ
ВИЛЕНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В XIX в.**

После первого раздела Речи Посполитой Екатерина II торжественно объявила, что она сама и ее наследники не будут использовать власть против католиков и униатов, чтобы лишить их прав и собственности [1, с. 25]. Первоначально усилия российских самодержцев, Екатерины II, Павла I и Александра I, были направлены на включение Римско-католической церкви в правовое поле Российской империи.

Но в течение XIX в. на белорусских землях произошел ряд событий, которые сильно повлияли на многие сферы жизни общества, в том числе и конфессиональную. Среди этих событий можно назвать российско-французскую войну 1812 года, восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., которые изменили отношение властей Российской империи к западной ветви христианства.

Во время войны 1812 г. часть римско-католического духовенства выступила в поддержку французов. Так на их стороне оказались виленский прелат М. Длуский, который в проповедях поддерживал Наполеона [2, с. 217], виленский епископ-суфраган Т. Кундич, который в часовне при дворце отслужил мессу в присутствии французского императора в честь приезда последнего в Вильнюс [2, с. 219], и епископ А. Косаковский, который был членом Комитета просвещения и религии при временном правительстве ВКЛ [2, с. 222]. После окончания войны правительство Александра I лишило вышеупомянутых иерархов должностей [1, с. 24–25].

Восстание 1830–1831 гг. привело к определенным изменениям в положении Римско-католической церкви.

Так, монахи в Картуз-Березе выделили 10 вооруженных людей, 8 лошадей и определенную денежную сумму для отряда Т. Пусловского [2, с. 237].

В общем, за участие в восстании 1830–1831 гг. в Гродненской губ. к следствию были привлечены 33 католических священника и в Виленской – 33 [2, с. 234].

Восстание 1830–1831 гг. привело к массовому закрытию монастырей и прекращению деятельности братств, которые действовали при закрытых монастырских храмах [2, с. 116].

Но больше всего повлияло на положение Римско-католической церкви на белорусских землях Российской империи восстание 1863–1864 гг. Так, в Виленской епархии 17 священников приняли непосредственное участие в восстании, а 71 священник имел к нему отношение. Виленский епископ Адам-Станислав Красинский был сослан в Вятку [2, с. 278]. Активное, с точки зрения властей Российской империи, участие католического духовенства привело к целому ряду преобразований.

Одним из главных направлений борьбы с влиянием Римско-католической церкви стало закрытие храмов. После восстания, в 1864–1867 гг., в Виленской и Гродненской губ. власти ликвидировали 140 костелов, также уменьшилось количество монастырей: в 1864 г. было 16 мужских штатных и 5 заштатных; 12 женских штатных и 4 заштатных, а в начале XX в. осталось 8 штатных (3 мужских и 5 женских) [2, с. 283].

Закрытие храмов привело к ликвидации и братств, которые генерал-губернатор М. Муравьев назвал вредными с точки зрения распространения латинско-польской пропаганды [2, с. 284]. 20 апреля 1868 г. виленский, каунасский, минский и гродненский генерал-губернатор А. Потапов издал распоряжение о закрытии всех братств при церквях. Все эмблематические знаки братств и книги предназначались к сожжению. Циркуляр от 31 мая 1868 г. обязывал деканов и настоятелей зачитать в костелах распоряжение о закрытии братств. После этого у членов братства брали расписку об ознакомлении с циркуляром – и братство считалось расторгнутым [3, с. 305].

Но тем не менее деятельность братств начала осуществляться тайно. В 1869 г. священник Езерский в костеле местечка Шерешево тайно возродил деятельность братства и даже присоединил новых членов [4, с. 31]. В 1874 г. в Гродно возникло общество терциарок, которое объединяло 26 женщин, с целью распространения благочестия. В 1898 г. выявлено общество терциаров [4, с. 32].

В Виленской, Ковенской и Гродненской губ. в конце 1850-х гг. начали возникать братства трезвости, которые также были упразднены. Возобновили свою деятельность братства в Гродненской губ. только в 1915 г. [4, с. 33].

Второй важной мерой было введение в дополнительное богослужение русского языка, чтобы «русские католики были русскими», а потом они стали опорой правительства в крае [5, с. 323].

Александр II своим указом 25.12.1869 разрешил в западных губерниях использовать русский язык в римско-католическом богослужении в местностях, где была необходимость [6, с. 19].

Главный начальник Северо-Западного края А. Потапов 08.03.1870 объявил о добровольном введении молитвенника «*Rituale Sacramentorum*» на русском языке, но тайно обратился к администратору Виленской епархии Жилинскому за содействием [6, с. 19].

Нововведение привело к расколу среди священнослужителей. В Виленской епархии использование русского языка в богослужении поддерживали 4 члена капитула, 4 декана и около 60 священников, а против выступили 7 каноников, 29 деканов и 600 священников [6, с. 19]. Так, брестский декан Демьянович вместе с подчиненным духовенством открыто отказался от русскоязычного молитвенника [6, с. 20], в Гродненском деканате священники также отказались принять требник без согласования с Папой Римским [6, с. 20].

Еще одним важным направлением в борьбе с влиянием Римско-католической церкви является борьба с «чудесами», которые появлялись в генерал-губернаторстве. Власти стремились как можно скорее выяснить все обстоятельства дела, чтобы не допустить превращения религиозного движения в политическое [7, с. 101]. По мнению властей Российской империи такой вариант был вероятным, так как, с их точки зрения, католическое духовенство стремилось к возрождению Речи Посполитой и возвращению своего привилегированного положения, которым оно обладало в этой стране [8, с. 48].

Начальник Виленской губ. Степан Панютин 04.11.1866 сообщил гродненскому губернатору Ивану Скворцову о крестьянке д. Длинная Лидского уезда Виленской губ. Иосафате Козловской, которая с августа того же года рассказывала о явлении ей Богоматери у крестов недалеко от деревни. По словам местной жительницы, Св. Мария упрекала людей в нежелании молиться и призывала не грешить [9, л. 1].

Из сообщения С. Панютина известно, что сведения о «чуде» быстро разошлись по окрестным деревням, а свидетелей явления нет. Начальник Виленской губ. высказал мнение, что Козловская имеет проблемы с психическим здоровьем, и, что возможно, причастны к происшествию кс. Ясинский из м. Желудок (Лидский уезд) и кс. Липка из м. Роготно (Слонимский уезд), которые обсуждали в своей переписке возможность укрепления веры в появлении Марии [9, л. 1 об.].

Дальнейшие сведения получены из свидетельств братьев Казимира и Антона Королей, жителей деревни Станелевичи Волковысского уезда Гродненской губ. Это свидетельствует, что сведения пересекли границу Виленской и Гродненской губ., что, в свою очередь, вызвало тревогу властей и стремление взять ситуацию под контроль. По данным братьев Королей, они узнали от полонников, которых встретили возле м. Рожанка Лидского уезда, когда возвращались из г. Вильно, о появлении иконы (?) Св. Марии возле д. Длинная. По рассказу паломников, икона была чудотворной, так как исцелился хромым человек [9, л. 7–8].

Сведения продолжали распространяться дальше. Это известно из рапорта Пружанского уездного полицейского управления о жителе м. Шерешево Николае Кузьмицком, который также узнал о «чуде» от паломников и после рассказал об этом своим знакомым [9, л. 11–14 об.].

Все окончилось арестом кс. Ясинского и крестьянки Козловской, что привело к тому, что «через несколько дней слухи утихли и умы крестьян успокоились» [9, л. 15–16].

Важно подчеркнуть, что сведения о переписке кс. Ясинского и кс. Липки не подтвердились [9, л. 24].

Начальник Гродненского губернского жандармского управления 19.12.1877 сообщил гродненскому губернатору Александру Зурову, что в костеле г. Сураж Белостокского уезда местным кс. Гриневицким установлена статуя Христа в парике, которую называл «Живой Иисус Христос». Статую передал священнику бывший офицер Яголковский из Брестского уезда. По данным, изображение Христа было «изгнано» русскими войсками из д. Збирово Брестского уезда во время восстания 1863–1864 гг. В рапорте сообщается, что с течением времени парик меняется на другой, с более длинными волосами, чтобы убедить верующих в чудотворности изображения. Информация о «чуде» распространяется тайно, во время исповеди. Начальник жандармов губернии убежден, что все это начато для получения денег [10, л. 1–1 об.].

Но белостокский уездный исправник это не подтвердил, так как не получил сведений об особом почитании статуи и названии скульптуры [10, л. 4 об.].

Через семь лет история получила продолжение, ведь белостокский уездный исправник сообщил губернатору рапортом от 11.05.1884, что в Суражском костеле находится статуя Христа, которая появилась около этого города. Из рапорта известно, что у фигуры растут волосы, которые местный священник Гриневицкий отрезает и раздает верующим, а кроме того, Христос «плачет». Но позже стало известно, что изображение прибыло в храм во время строительства.

Из рапорта известно, что пристав 1-го стана подтвердил наличие статуи с волосами на голове и бороде, а также сообщает, что ксендз Гриневицкий часто обращается к скульптуре Христа, что приводит к распространению информации о «чуде» и росту числа паломников. Также известно, что наличие статуи подтвердил белостокский декан, но опроверг раздачу волос. Но исправник считал, что последнему факту верить было нельзя из-за «фанатизма» римско-католического духовенства [11, л. 1–2 об.].

Начальник Гродненского губернского жандармского управления рапортом от 23.10.1882 сообщил гродненскому губернатору Н. Цеймерну о появлении около с. Долистово Белостокского уезда Богоматери, в половине версты от дома местного ксендза. Первыми о «чуде» сообщили три девочки: Франтишка Луц восьми лет и ее подруги – Криштанова, одиннадцати лет, и

восьмилетняя Ходоровская, которые искали телят семьи Луц в поле. Франтишка не хотела этого делать, поэтому ее мать сказала, что когда она пойдет в поле, то встретит Св. Марию. После возвращения девочки рассказали о случившемся. Подтвердил их рассказ и арендатор долистовского ксендза Држевицкого И. Зерко. Информация вызвала приток верующих в то место. Неизвестные установили в поле икону Богородицы и ограждение вокруг нее. После убеждения белостокского декана Шварца забор разобрали сами крестьяне, а икону перенесли в местный костел. После этого народ успокоился. Кс. Држевицкий знал о случившемся, но не сообщил об этом своему руководству. По мнению начальника жандармов губернии, священник не способствовал распространению сведений, но и не ограничивал их [12, л. 31–32].

Начальник Гродненского губернского жандармского управления рапортом от 01.03.1886 сообщил гродненскому губернатору А. Потемкину о том, что до него дошли сведения о пребывании в костеле д. Туроснь Белостокского уезда двух икон: Иисуса Христа и Богородицы, которые, по слухам, являлись чудотворными. По агентурным сведениям известно, что изображения святых появились в храме благодаря кс. Коркутю, который выписал их из Варшавы. Первоначально иконы были показаны братчикам, которые искренне молились во время прохождения Меркурия через солнечный диск в качестве свидетельства того, что молитвы приняты, а впоследствии и остальным верующим. Иконы привлекли большое количество верующих из окрестных римско-католических храмов [13, л. 1–2].

Сведения жандармов не подтвердил белостокский уездный исправник. По его словам, иконы не влияют на верующих [13, л. 4–5].

Можно прийти к выводу, что губернские власти начинали «бить тревогу» при первых упоминаниях о появлении «чудес» и стремились взять ситуацию под контроль, но часто случалось, что информация не соответствовала действительности, поэтому местным полицейским приходилось ее опровергать.

The article comprehensively examines the system of relations between the Roman Catholic Church and the government of the Russian Empire on the territory of Belarusian lands. Particular attention is drawn to such an aspect of interaction as the fixation of «miracles», which was considered by secular authorities as a possible excuse for starting a new stage in the struggle for the revival of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Straipsnyje išsamiai nagrinėjama Romos katalikų bažnyčios ir Rusijos imperijos valdžios santykių sistema Baltarusijos žemėse. Ypatingas dėmesys atkreipiamas į tokį sąveikos aspektą, kaip «stebuklų» fiksavimas, kurį pasaulietinė valdžia laikė tinkamu pretekstu pradėti naują etapą kovojant už Abiejų Tautų Respublikos atgaivinimą.

Список литературы

1. Ганчарук, І. Г. Рымска-каталіцкі касцёл у Беларусі (1772–1830 гг.) : манагр. / І. Г. Ганчарук, А. І. Ганчар. – Гродна : ГДАУ, 2012. – 381 с.

2. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 494 с.
3. Ганчар, А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.) : моногр. / А. И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.
4. Ганчар, А. И. Римско-католические братства на Беларуси (1865 – нач. XX в.) / А. И. Ганчар // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2005. – № 3. – С. 28–35.
5. Ганчар, А. И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) : моногр. / А. И. Ганчар. – Минск : Медисонт, 2015. – 582 с.
6. Ганчар, А. И. Попытка введения русского языка в римско-католическое богослужение в Гродненской губернии (вторая половина XIX в.) / А. И. Ганчар // Вести Института современных знаний. – 2009. – № 1. – С. 18–22.
7. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск : Медысонт, 2011. – 198 с.
8. Бендин, А. Ю. М. Н. Муравьев и митрополит Литовский Иосиф (Семашко): опыт государственно-церковного сотрудничества / А. Ю. Бендин // Аспект. – 2018. – № 2 (6). – С. 45–68.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1. Оп. 6. Д. 721.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1. Оп. 7. Д. 2479.
11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1. Оп. 8. Д. 1828.
12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1. Оп. 8. Д. 1355.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1. Оп. 8. Д. 883.

УДК 008:379.83(078)

Сергей Донских,

кандидат культурологии, доцент кафедры туризма и культурного наследия учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ И ЛИТВЫ

Понятие трансграничного туризма является относительно новым. Согласно устоявшейся классификации, принято выделять два основных типа туризма: внутренний и международный [1, с. 26–27]. Внутренний туризм не фиксируется международной статистикой и слабо отражается в национальной статистической отчетности, поскольку большой объем внутреннего туризма осуществляется в форме самодеятельного отдыха. Поэтому не

всегда возможно четко разграничить внутренних туристов и местных посетителей (клиентов, экскурсантов и т. п.). Международный туризм традиционно вызывает повышенный интерес. Для многих государств это важная отрасль экономики, которая напрямую влияет на торговый баланс страны, а также способствует формированию ее позитивного имиджа. В рамках международного туризма принято выделять въездной и выездной туризм [2, с. 30–31]. Согласно данным экспертов Всемирной туристической организации (UNWTO), объем международного туризма составляет около 20 %, примерно 80 % объемов всех туристических потоков формирует внутренний туризм. Достоверная статистика существует лишь относительно международного туризма, который неразрывно связан с пересечением государственных границ. Около 80 % всех международных туристических поездок совершаются в соседние страны и лишь 20 % – это путешествия на дальние расстояния в т. н. «экзотические дестинации».

В данном контексте трансграничный туризм можно рассматривать как один из видов международного туризма, связанный с посещением двух или более соседних стран, которые предлагают общий туристический продукт. В традиционном международном туризме пересечение границы связано с посещением новой дестинации. В рамках трансграничного туризма это лишь продолжение путешествия в рамках одной дестинации, которая предлагает единый туристический продукт, связанный общей тематикой. При подобном понимании трансграничного туризма остается открытым вопрос о том, насколько посещение соседних государств является международным туризмом с точки зрения туристической мотивации. Очевидно, что если въездных туристов интересует культура, история и повседневная жизнь соседней страны как отдельной уникальной дестинации, то это классический международный туризм. Если туристов-соседей привлекает общее историко-культурное наследие или «места памяти», связанные со своей национальной традицией, но расположенные на территории другого государства, то мы имеем дело с трансграничным туризмом. Например, граждане Литвы, которые посещают Гродно и Лиду на территории Беларуси и Сувалки на территории Польши, являются несомненными международными туристами. Однако их мотивация зачастую указывает на трансграничный туризм, поскольку в этих местах они интересуются достопримечательностями, связанными с литовской культурой и историей. Еще более очевидным примером трансграничного туризма являются поездки граждан Польши и Израиля по территории бывших восточных воеводств шляхетской Речи Посполитой, а ныне – независимых государств Беларуси, Литвы и Украины. По факту, это международный туризм с пересечением нескольких государственных границ. Исходя из мотивации – это потребление одного «сквозного» трансграничного туристического продукта, основанного на польском или еврейском региональном историко-культурном наследии.

Ярким примером трансграничного туризма является амбициозная программа государств Вишеградской группы, или V4 (Венгрии, Польши, Словакии, Чехии), по привлечению в регион туристов из стран Дальнего Востока (Китая, Южной Кореи, Тайваня, Японии). Программа получила название «Европейский квартет – одна мелодия» и позиционирует на глобальном туристическом рынке одну туристическую дестинацию – Центральную Европу в составе государств V4. По мнению чешских и польских экспертов, собственными силами странам Вишеградской группы очень сложно продвигать свой национальный туристический продукт на глобальном туристическом рынке. Однако в качестве большого туристического региона – Центральной Европы с общим, трансграничным туристическим продуктом – эти государства имеют большие шансы на успех. Особенно если принять во внимание, что с 2007 г. все они входят в т. н. Шенгенскую зону, что позволяет посетить все четыре государства на основе всего одной визы [3; 4]. Таким образом, трансграничный туризм является относительно новым и весьма перспективным видом туризма, который для своего развития в первую очередь требует формирования общих или «сквозных» туристических продуктов (маршрутов) с пересечением двух или более государственных границ.

Для Беларуси и Литвы активное развитие трансграничного туризма стало возможным с 2016 г., когда на основе Указа Президента Республики Беларусь № 318 от 23 августа 2016 г. был установлен режим безвизовой туристической территории для туристско-рекреационного парка «Августовский канал» и г. Гродно. Указ вступил в силу с 26 октября 2016 г. Фактически в безвизовую зону вошли город Гродно и пять прилегающих сельсоветов Гродненского района с Августовским каналом. Первые два года работы безвизового режима показали, что около 64 % безвизовых туристов, которые посещали Гродно, были гражданами Литовской Республики или въезжали на безвизовую территорию с литовской стороны, что само по себе является надежным маркером высокого потенциала трансграничного туризма на белорусско-литовском пограничье.

Говоря о возможных «сквозных темах» для формирования и продвижения на туристическом рынке трансграничных туристических продуктов, следует в первую очередь отметить общее историческое наследие Беларуси и Литвы. Достаточно отметить, что за второе тысячелетие нашей эры Беларусь и Литва как минимум 715 лет находились в составе одних государств и имели общую историю. Основными вехами этого исторического феномена являются:

- Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское (1252–1569) – 317 лет общей истории.
- Речь Посполитая (1569–1795) – 226 лет общей истории.
- Российская империя (1795–1915) – 120 лет общей истории.

- СССР (1939–1941, 1944–1991) – почти 50 лет общей истории, с учетом краткого эпизода Литовско-Белорусская ССР (февраль – июль 1919).

- Два периода немецкой оккупации в ходе Первой и Второй мировых войн (1915–1918, 1941–1944) – в сумме почти 6 лет [5].

Примечательно, что оба народа – и литовский, и белорусский – связывают свои этнические истоки с временами Великого княжества Литовского, что наглядно проявилось на рубеже XX–XXI вв. В Литве были полностью восстановлены ранее утраченные Тракайский замок (1961), Биржайский замок (1986) и Великокняжеский дворец в Вильнюсе, или Нижний замок (2016). В Беларуси были отреставрированы замки в Мире (2010), Лиде (2010), Несвиже (2012). В настоящее время восстанавливаются замки в Гродно и Гольшанах. Если времена Великого княжества Литовского в Беларуси и Литве героизируются и идеализируются, то период Речи Посполитой, в целом, воспринимается критически. Российский и советский периоды общей истории трактуется принципиально по-разному. В литовской исторической традиции это однозначно негативное время оккупации, стагнации и угрозы самому национальному существованию. В белорусской исторической традиции в российско-имперский период принято указывать как на положительные, так и на отрицательные особенности исторического развития белорусского народа, а советский период воспринимается преимущественно положительно, как один из самых существенных для национального становления белорусов. Таким образом, времена Великого княжества Литовского являются одним из наиболее очевидных оснований для формирования трансграничных туристических маршрутов Беларуси и Литвы как с точки зрения близких исторических трактовок, так и принимая во внимание большое количество достопримечательностей – памятников истории и культуры этого периода, восстановленных на рубеже XX–XXI вв. в Беларуси и Литве.

История культуры Беларуси и Литвы также позволяет выявить несколько общих тем, которые могли бы стать основой для формирования «сквозных» трансграничных туристических продуктов:

1. Языческие традиции Европы, которые на землях Аукштайтии, Жемайтии и Черной Руси (т. е. широко понимаемого Понеманья) сохранились до начала XV в.

2. Влияние готического искусства – своеобразная восточная граница готики, которая проходит по землям Беларуси и Литвы (XV – начало XVI вв., а также неоготический стиль XIX – начала XX вв.).

3. Виленское барокко (вторая половина XVII–XVIII вв.), богато представленное в Литве и Беларуси (достаточно отметить, что старейший белорусский христианский храм – Софийский собор в Полоцке – в середине XVIII в. был перестроен в стиле виленского барокко).

Заслуживают внимания общие белорусские и литовские культурные традиции, связанные с временами Возрождения (XVI в.), Реформации (XVI – первая половина XVII вв.), Просвещения (середина XVIII – первая половина XIX вв.) и Романтизма (первая половина XIX в.). Однако во всех этих случаях степень сохранности и визуализации исторических достопримечательностей невысокая, что затрудняет формирование привлекательных трансграничных туристических продуктов.

Широко понимаемая современная культура Беларуси и Литвы, включая повседневную культуру и стиль жизни, не позволяет сформировать устойчивые трансграничные туристические продукты, т. к. с XIX в. историко-культурные пути обеих стран постепенно разошлись. Однако актуальное состояние и особенности культуры Беларуси и Литвы позволяют сформировать привлекательный для международного туризма туристический продукт, поскольку современные белорусская и литовская культуры относительно друг друга обладают ярко выраженным своеобразием. Поэтому, посещая Беларусь, литовский турист имеет возможность «в шаговой доступности» познакомиться с жизнью соседней страны, столь непохожей на привычный ему жизненный уклад. Основные различия современной белорусской и литовской культуры представлены в таблице 1.

Таблица 1

Особенности современной культуры	Беларусь	Литва
Языковая группа	Белорусский язык – славянская языковая группа	Литовский язык – балтская языковая группа
Алфавит	Кириллический алфавит	Латинский алфавит
Религия	Не является основным фактором национальной интеграции. Около 80 % населения – православные, около 20 % населения – католики	Очень важный фактор национальной интеграции. Свыше 90 % населения – католики
Модель формирования нации	Американская модель – полиэтническое гражданское сообщество как основа нации	Центральноевропейская (немецкая) модель – этнокультурное сообщество с национальным языком
Геополитический выбор	Евразийский вектор сотрудничества	Европейский вектор интеграции

Источник: собственная разработка автора.

Использование историко-культурного наследия в качестве туристического ресурса требует его предварительной оценки с нескольких точек зрения. В первую очередь, учитываются следующие характеристики: уникальность, сохранность, степень визуализации (зрелищности, привлекательности), известность, доступность, пропускная способность, возможность коммерческого использования и модификации в качестве туристического продукта (от новых туристско-экскурсионных услуг на базе объекта до его ребрендинга с течением времени). Чаще всего специалисты в сфере туризма осуществляют предварительную оценку туристических ресурсов, опираясь на два критерия: известность и доступность. Последний критерий является достаточно благоприятным для Беларуси и Литвы, чего нельзя сказать об известности наших стран и достопримечательностей на туристическом рынке.

В последнем случае уместно обратиться к Списку памятников всемирного наследия ЮНЕСКО, который часто используется как эффективный инструмент по продвижению национального туристического продукта, особенно в сфере культурного туризма. Беларусь и Литва представлены в этом списке четырьмя объектами, данные о которых содержатся в таблице 2.

Таблица 2

№	Памятники Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (с годом включения в список)	
	Беларусь	Литва
1	Беловежская пуца (1992) – совместно с Польшей (1979 – для польской части пуцы)	Исторический центр Вильнюса (1994)
2	Мирский замок (2000)	Куршская коса (2000) – совместно с Россией
3	Несвижский дворцово-парковый ансамбль (2005)	Археологические памятники Кярнаве (2004)
4	Геодезическая дуга Струве (2005) – совместно с Литвой и еще 8 странами	

Источник: разработка автора на основе данных ЮНЕСКО [6].

В целом и Беларусь, и Литва явно недостаточно представлены в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, но у обеих стран высокий потенциал для развития трансграничного туризма – половина актуальных национальных объектов из Списка ЮНЕСКО являются трансграничными.

Интересно отметить, что в Предварительном списке объектов для включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО на сегодняшний день представлено семь достопримечательностей от Беларуси и Литвы. Республика Беларусь в январе 2004 г. подала в предварительный список ЮНЕСКО сразу пять объектов:

1. Августовский канал (потенциально – это трансграничный объект совместно с Польшей и, возможно, Литвой).

2. Церковь Святых Бориса и Глеба («Коложская церковь») в Гродно.

3. Спасо-Преображенская церковь и Софийский собор в Полоцке.

4. Храмы оборонного типа в Беларуси, Польше и Литве (еще один потенциально трансграничный объект, хотя заявка от 2004 г. включает лишь три храма на белорусской территории в Мурованке, Сынковичах и Камаях).

5. Храмовая деревянная архитектура XVII–XVIII вв. на Полесье (потенциально – это трансграничный объект с Польшей и Украиной).

Литовская Республика в настоящее время представлена в предварительном списке ЮНЕСКО двумя заявками:

1. Тракайский национальный исторический парк (2003).

2. Архитектура в стиле модерн 1919–1939 гг. в Каунасе (2017) [6].

Таким образом, из семи белорусских и литовских объектов, включенных в предварительный список ЮНЕСКО, три объекта являются трансграничными. Из них два объекта – Августовский канал (в случае его номинации в качестве объекта природного наследия) и храмы оборонного типа в Беларуси, Польше и Литве – могут использоваться для развития трансграничного туризма Беларуси и Литвы, хотя туристический потенциал даже актуального объекта из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО – Геодезической дуги Струве – абсолютно не задействован...

Cross-border tourism is a promising form of international tourism. It is based on the formation of cross-border tourism products. Their consumption is carried out as part of unified tourist routes on both sides of the border. Belarus and Lithuania have a rich regional historical and cultural heritage, which can become the basis for cross-border tourism. Firstly, this is a medieval heritage from the time of the Grand Duchy of Lithuania. A number of attractions from the time of the Grand Duchy of Lithuania were restored at the turn of the 20th–21st centuries, which allows us to create a high-quality tourist product. Secondly, almost half of the national objects of Belarus and Lithuania from the Main and Tentative Lists of UNESCO World Heritage are cross-border, which opens up great opportunities for the development of cross-border tourism.

Pasienio turizmas yra perspektyvi tarptautinio turizmo forma. Jo pagrindą sudaro bendrų pasienio turizmo produktų formavimas. Tokių produktų vartojimas pagrįstas vieningais turizmo maršrutais, esančiais abiejose sienos pusėse. Baltarusija ir Lietuva turi turtingą regioninį istorinį ir kultūrinį paveldą, kuris gali tapti pasienio turizmo pagrindu. Visų pirma, tai viduramžių paveldas nuo Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės laikų: XX–XXI amžių sandūroje buvo atkurta nemažai lankytinų objektų, išlikusių nuo Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės laikų, kas leidžia sukurti aukštos kokybės turizmo produktą. Antra, beveik pusė nacionalinių Baltarusijos ir Lietuvos objektų, įtrauktų į UNESCO pasaulio paveldo pagrindį ir preliminarųjį sąrašus, yra pasienio teritorijoje, o tai atveria puikias pasienio turizmo plėtros galimybes.

Список литературы

1. Квартальнов, В. А. Туризм / В. А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2004. – 316 с.
2. Организация туризма / А. П. Дурович [и др.] ; под общ. ред. А. П. Дуровича. – Минск : Новое знание, 2005. – 640 с.
3. Visegrad Group Protocol on co-operation in the Field of Tourism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements>. – Дата доступа: 03.01.2020.
4. Discover Central Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.discover-ce.eu/>. – Дата доступа: 03.01.2020.
5. Гісторыя Літвы / А. Эйдзінтас [і інш.]. – Вільня : SANTARA, 2014. – 280 с.
6. UNESCO World Heritage Convention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/>. – Дата доступа: 03.01.2020.

УДК 930«15/16»

Екатерина Ирха,

аспирантка учреждения образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

**ПОПЫТКИ СОЮЗА ПРАВОСЛАВНЫХ И ПРОТЕСТАНТОВ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ XVI ВЕКА
В ОЦЕНКЕ П. Н. ЖУКОВИЧА**

Проблемы конфессиональной истории Беларуси конца XVI – начала XVII века до сих пор актуальны в отечественной историографии. Несмотря на достаточную изученность униатского вопроса, ученые постоянно обращаются к данной проблематике, выявляют новые аспекты этого исторического события. Об этом свидетельствуют многочисленные конференции, семинары, публикации по этой тематике.

Уже в XIX веке начинают издаваться работы по данной тематике. В это период интерес к конфессиональной истории западнорусских земель Российской империи в составе Речи Посполитой и Великого княжества Литовского был обусловлен общим вниманием к церковной истории в исторической науке второй половины XIX – начала XX века. Интерес подпитывался сложной общественно-политической ситуацией на западнорусских территориях, а именно прошедшими здесь восстаниями. Вопрос тесной интеграции в состав Российской империи западнорусских территорий нуждался в серьезной аргументации. Необходимо было обосновать их тесную связь с православием. Во второй половине XIX в. в рамках теории западнорусизма в российской исторической науке разрабатывается новая интерпретация конфессиональной истории белорусских земель в период Речи Посполитой, на первое место в ней выходят вопросы борьбы православно-

го населения данного государства против окатоличивания и полонизации [1, с. 177].

Одним из наиболее интересных явлений конфессиональной истории Речи Посполитой XVI и XVII вв. была попытка диалога и налаживания сотрудничества между православием и протестантизмом [2, с. 141]. В последствии более близкого сотрудничества между двумя конфессиями не происходило.

Среди исследователей, обративших внимание на проблему сотрудничества православных и протестантов, следует отметить Платона Николаевича Жуковича (1857–1919). Историк П. Н. Жукович – выходец из Беларуси. Он родился в г. Пружаны Гродненской губернии в семье священника (что во многом определило его интерес к церковной проблематике). Основная часть его научно-исследовательской и преподавательской деятельности связана с Санкт-Петербургской духовной академией, где Платон Николаевич заведовал кафедрой гражданской истории. К сожалению, несмотря на активное использование творческого наследия историка, его работы недостаточно изучены, недооценена масштабность его исследований. Отсутствуют комплексные исследования научных работ П. Н. Жуковича. Краткую информацию о нем содержат энциклопедии справочного характера [3; 4], работа А. Н. Нечухрина [5]. Более подробно об историке написано в статье биографического характера В. А. Тепловой [6]. В контексте изучения жизни и деятельности М. О. Кояловича обратился к теме жизни и творчества П. Н. Жуковича (как одного из выдающихся учеников первого) профессор В. Н. Черепица [7].

Российский ученый М. В. Дмитриев положительно оценивает труды Платона Николаевича, отмечая, что они являются большим шагом в изучении религиозно-политической борьбы в контексте заключения Брестской унии [8, с. 16]. Белорусские исследователи Г. В. Васюк и Т. Т. Кручковский отмечают, что только П. Н. Жукович из русских историков обратил внимание на вклад польских исследователей в изучение конфессиональных отношений в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. Работы П. Жуковича отличаются анализом огромного круга источников, в том числе и латиноязычных, и стремлением дать объективную оценку различных событий. Поэтому работы историка широко использовались польскими исследователями конца XIX – начала XX в., а также последующими поколениями польских исследователей [9, с. 395].

П. Н. Жукович целенаправленно не изучал вопрос о попытке союза православных и протестантов. В его фундаментальном труде «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)», за который Платон Николаевич получил степень доктора и звание ординарного профессора, присутствуют аспекты, затрагивающие тему коллаборации двух вышеназванных конфессий.

Исследователь в числе первых обратил внимание на союзнические отношения между православными и протестантами, подготовку и попытку заключения между ними унии. Кроме него тематику межконфессиональных отношений затрагивал в своем творчестве М. О. Коялович [10]. Изучая предпосылки объединения православной и католических церквей, Михаил Осипович неоднозначно характеризует влияние Реформации на данный процесс в Речи Посполитой. Лютеране и кальвинисты выступают то как друзья православных, которые боролись с единым врагом – иезуитами и латинством и «как бы прикрывали собою православных от их влияния и козней» [10, с. 40], то как конкуренты, которые угрожают православия – «протестанты, гонимые со всех сторон иезуитами, чаще и чаще вторгались в беззащитные пределы западнорусской церкви» [10, с. 50]. Виленский съезд характеризуется ученым как первая и последняя попытка защиты шляхтой православия, которая потерпела провал [10, с. 51].

В своем фундаментальном труде «История русской церкви» митрополит Макарий (Булгаков) также обращает внимание на проблему совместного противодействия православных и католиков Речи Посполитой экспансии католицизма. Он подробно характеризует съезд православных и протестантов в Вильно (1599 г.) [11].

Проблеме союза двух конфессий в борьбе с контрреформацией П. Н. Жукович решает на основе архивных и уже опубликованных источников, результатов исследований польской историографии, при этом давая им собственную интерпретацию. Исследователь использует работы польского историка И. Лукашевича [12; 13], полемическое произведение «Антирриси́с» [14], личную переписку К. Острожского, безвозвратно утраченную в результате пожара архива в Варшаве в 1944 г. [15, с. 10].

При исследовании вопроса взаимодействия протестантов и православных П. Н. Жукович не обходит вниманием роль в этом процессе крупнейшего православного магната Речи Посполитой князя Константина Острожского и протестанта виленского воеводу Христофора Николая Радзивилла [16].

Взаимоотношения православной и протестантской шляхты П. Н. Жукович рассматривал в первом разделе монографии, посвященном Варшавской конфедерации 1573 г., о свободе совести и веротерпимости. Историк отмечал, что со вступлением на престол в Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы нерешенный вопрос о санкциях за нарушение религиозного мира поднимался на сеймах с периодичностью, при этом вызывал жестокое сопротивление и агрессию либо игнорировался католическим большинством. А после того, как уния между католиками и православными стала реальной, киевский воевода князь К. Острожский (как главный поборник православия, отрицавший унию под главенством Рима) обратился с предложением о сотрудничестве к протестантам через своего зятя протестанта

Хр. Радзивилла. Платон Николаевич обращает внимание, что протестанты были заинтересованы в православных как союзниках против католической экспансии [16, с. 156].

В результате на Торуньский генеральный синод протестантов (1595 г.) была отправлена делегация представителей православной церкви. Доверенным лицом князя К. Острожского являлся К. Лушковский. Православные высказали предложения о совместных выступлениях на сеймах и сеймиках, взаимного консультирования по вопросу политического союза. Современный польский исследователь В. Славинский подробно описывает события данного съезда в своей монографии. Он считает, что по результатам протестантского синода встал вопрос о политическом союзе евангеликов и православных, а для религиозного объединения двух конфессий необходима была теологическая основа [17 с. 207].

В последующие четыре года после Торуньского синода, по мнению П. Н. Жуковича, положение православных ухудшилось [16, с. 363]. «Захваты» имущества, сделанные в период введения унии, были закреплены за униатской церковью временем, а противодействие шляхты становилось менее решительным. Этому способствовала, по мнению историка, в первую очередь могущественная поддержка правительством и раздача духовных должностей (как материально-экономического блага) католикам и униатам. В отношении протестантов Платон Николаевич отметил нерешенность вопроса о веротерпимости и установлении конфедерации [16, с. 363].

При этом на сеймах с 1596 по 1598 год действия православных и протестантов были солидарны. Жукович отмечает, что именно глава литовских протестантов Хр. Радзивилл энергичнее всего отстаивал интересы и требования православных послов, а смоленский воевода Я. Абрамович своей властью поддерживал деятельность виленского братства. По мнению польского историка Кемпы, протестантская и православная шляхта начинала осознавать необходимость совместной защиты своих интересов в условиях усиливающегося напора контрреформации [18, с. 340].

Данный период солидарных действий между православными и протестантами вылился в попытку более прочного союза в мае 1599 г. на общем съезде в Вильно. Главными представителями от православных выступили К. Острожский и брацлавский каштелян Ф. Сангушко-Коширский. Протестантскую сторону представляли воеводы виленский Хр. Радзивилл и смоленский Я. Абрамович, брестско-куявский А. Лещинский. В связи с тем, что в это время в Вильне проходила сессия Литовского главного трибунала, на православно-протестантском съезде присутствовало значительное число представителей шляхты. Для удобства взаимодействия были избраны генеральные провизоры [16, с. 364].

Собравшиеся на съезде указывали на игнорирование и непризнание со стороны католиков Варшавской конфедерации 1573 г., вследствие чего

православные и протестанты вынуждены были заключить оборонительный союз. Союзники обязались взаимно поддерживать друг друга, защищать свободу совести и вероисповедания.

В ходе съезда обнаружилось, что православные и протестанты не оценили тех огромных догматических и церковно-канонических различий между ними. П. Н. Жукович отметил, что для православных иерархов церковная уния с протестантами была более невозможна, чем с католиками [16, с. 364].

Результатом деятельности съезда 1599 г. явился акт конфедерации православных и протестантов, составленный в Вильно 18 мая 1599 г. В этом акте содержались жалобы на многочисленные нападения на церкви, монастыри и соборы, препятствия проведению богослужений, ограничения гражданских прав (запрет селиться в городах, отстранение от цехов и ремесел и т. д.). Особенно обратил внимание П. Н. Жукович на жалобу об отстранении «от чести и хлеба в государстве, от сенаторских мест, чинов, должностей и т. д.». Любой шляхтич, делавший карьеру, должен был иметь в виду это обстоятельство. Историк считает, что именно эта причина являлась наиболее важной в конверсии протестантов и православных в католичество [16, с. 367].

П. Н. Жукович приходит к выводу, что попытка союза православных и протестантов изначально была обречена на провал из-за глубоких теологических различий между ними. Вместе с тем, давление со стороны контрреформации и связанные с этим процессы коллаборации объективно способствовали попыткам объединения православной и протестантской шляхты в противодействии католической экспансии. В основе создания союза православных и протестантов политические соображения преобладали над конфессиональными. Успешные действия союзников в значительной степени зависели от позиции представителей крупных магнатских фамилий православного и протестантского вероисповедания, прежде всего К. Острожского и Х. Радзивилла.

The article considers the relationship between the Orthodox and Protestant gentry during the preparation and conclusion of Brest Church Union in the assessment of the Russian historian of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries Platon Nikolaevich Zhukovich. The author concludes that this researcher makes a significant contribution to the study of interfaith relations in the period from the end of the 16th to the beginning of the 17th centuries.

Straipsnyje nagrinėjamas stačiatikių ir protestantų didikų bendruomenės santykis rengiant ir pasirašant Bresto uniją, remiantis XIX a. antrosios pusės ir XX a. pradžios Rusijos istoriko Platono Nikolajevičiaus Žukovičiaus įžvalgomis. Autorius daro išvadą, kad šis tyrėjas įnešė svarų indėlį į XVI a. pabaigos ir XVII a. pradžios tarpreliginių santykių analizę.

Список литературы

1. Заневский, С. В. Дворянское землевладение в исследованиях П. Н. Жуковича / С. В. Заневский // Шлях у навуку : зб. навук. арт. да 55-год. студ. навук.-даслед. гіст.-краязн. гуртка «НіКа» / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: Н. А. Івашчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2011. – С. 177–181.
2. Melnyk, M. Ewangelicko-prawosławna komunikacja społeczna na ziemiach ruskich w I Rzeczypospolitej (przełom XVI i XVII w.) [Электронный ресурс] / M. Melnyk // Studia Religiologica. – 2019. – 52 (2). – S. 141–151. – Режим доступа: <http://www.ejournals.eu/Studia-Religiologica/2019/Numer-52-2-2019/art/15084/>. – Дата доступа: 25.02.2020.
3. Грыгор'ева, В. Жуковіч Платон Мікалаевіч / В. Грыгор'ева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 374.
4. Жуковіч Платон Мікалаевіч // Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі : энцыклапедычны даведнік. – Мінск, 1995. – С. 429–430.
5. Нечухрин, А. Н. Историки Гродненщины (Материал в помощь лектору) / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 1989. – 26 с.
6. Теплова, В. А. Платон Николаевич Жукович (1857–1919 гг.): забытое имя / В. А. Теплова // Материалы I международной ежегодной летней школы молодых ученых «Русский язык: горизонты сотрудничества» : сб. науч. тр. / редкол.: Т. В. Винниченко, Н. Н. Бедина, Л. В. Левшун. – Архангельск : Фонд «Русский мир», 2009. – С. 103–132.
7. Черепица, В. Н. Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 1998. – 328 с.
8. Дмитриев, М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. / М. В. Дмитриев. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 218 с.
9. Васюк, Г. В. Брестская церковная уния в польской историографии конца XIX – начала XX вв. / Г. В. Васюк, Т. Т. Кручковский // Наш радавод : матэрыялы міжнар. навук. канф. «Гісторычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII–XX ст.». – Мінск, 1996. – Кн. 7. – С. 395–398.
10. Коялович, М. О. Литовская церковная уния : в 2 т. / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Н. Тихменева, 1859. – 459 с.
11. Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви Ч. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija-russkoj-tserkvi/5_5. – Дата доступа: 25.02.2020.
12. Łukaszewicz, J. O kościołach Braci Czeskich w dawnej Wielkopolsce [Электронный ресурс] / J. Łukaszewicz. – Poznań : Czcionkami drukarni Karolla Pompejusza, 1835. – 420 s. – Режим доступа: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/1862/edition/3099>. – Дата доступа: 25.02.2020.
13. Łukaszewicz, J. Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie. T. 1 [Электронный ресурс] / J. Łukaszewicz. – Poznań : Drukarnia Orzedownika na Gabrarach Ner. 45, 1842. – 415 s. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/doccontent?id=5144>. – Дата доступа: 25.02.2020.
14. Филалет, Х. Антиприсис [Электронный ресурс] / Х. Филалет // Русская историческая библиотека. Т. 19. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7652/428308/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

15. Кемпа, Т. Костянтин Василь Острозький (бл. 1524/1525–1608) восвода Київський і маршалок землі Волинської / Т. Кемпа. – Хмельницький : ПП Мельник А. А., 2009. – 342 с.
16. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Н. Жукович. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1901. – 616 с.
17. Sławiński, Wojciech. Toruński synod generalny 1595 roku. Z dziejów polskiego protestantyzmu w drugiej połowie XVI wieku / Wojciech Sławiński. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe Semper, 2002. – 325 s.
18. Kempa, T. Animatorzy współpracy protestancko-prawosławnej w okresie kontroformacji [Электронный ресурс] / T. Kempa // Rzeczpospolita państwem wielu narodowości i wyznań: XVI–XVIII wiek / pod red. Tomasza Ciesielskiego i Anny Filipczak-Kocur. – Warszawa ; Opole : Wydawnictwo DiG, 2008 – S. 321–341. – Режим доступа: https://heritage.oa.edu.ua/assets/files/kempa_animatorzy.pdf. – Дата доступа: 25.02.2020.

УДК 911.3

Анна Кацюн,
бакалавр физической реабилитации,
Информационный центр по туризму и предпринимательству
г. Друскининкай

В ГОСТЯХ У СОСЕДЕЙ: ПРОБЛЕМЫ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА МЕЖДУ ПРИГРАНИЧНЫМИ РЕГИОНАМИ

С социально-экономической точки зрения приграничные районы представляют собой периферию. В них нет крупных городов, слабо развиты дороги и промышленность, не хватает человеческих ресурсов. Зато высок туристический потенциал: множество исторических и культурных достопримечательностей, нетронутая природа. Однако сам по себе потенциал недостаточен для реального развития туризма. Более того, его развитию препятствуют ограничения, связанные с существованием границ. Границы влекут за собой разрыв между государствами в социальной, культурной и экономической сферах, включая и туризм, ограничивают трансграничное перемещение людей [1].

Для Литвы и Беларуси важно развитие туризма на приграничных территориях вдоль государственной границы (678,819 км) [2]. С 2005 года это также внешняя граница Европейского Союза, а с 2007 года – внешняя граница Шенгенской зоны.

Соседский рынок – наша перспектива. Исследования европейских социологов показывают, что трансграничный рынок – один из самых важных и перспективных туристических рынков для любой страны. К примеру, хорошо известно, что граждане Финляндии – частые гости в Санкт-Петербурге.

бурге и Таллинне, а жители восточногерманских земель предпочитают проводить отпуск в западной Польше. В частности, польские исследователи обратили внимание на факт, что три четверти заграничных гостей, которые посещают Польшу, приезжают из соседних стран – Беларуси, Литвы, Украины, Чехии, Словакии, Германии [1].

Анализ статистических данных за последние 25 лет показывает, что идентичная ситуация сложилась в городе Друскининкай, где из соседних стран (Беларусь, Польша, Россия, Латвия) приезжает около 60 % заграничных гостей (65 000 – из 116 000, 2018 г.). И если в начале века Друскининкай планировал привлечь основной поток туристов из стран Скандинавии, Германии, Голландии, то в течение последних 3 лет практически весь рекламный бюджет разделяется между Беларусью, Польшей и Латвией. В свою очередь, Беларусь стала основным туристическим направлением для граждан Литвы (16,7 % поездок, 2018 г.). Основную роль в этом сыграла либерализация пограничного режима по стороне Беларуси.

Между прочим, возврат к своему региону, своим корням наблюдается во всей Европе. В ноябре 2019 года IQS, одна из пяти крупнейших аналитических компаний Польши, опубликовала отчёт с результатами широкого исследования актуального состояния общества. Из отчёта следует, что тенденция «догнать и обогнать» уровень жизни Западной Европы уже неактуальна. Начиная с 2015 года растёт ценность отечественного продукта, культуры, истории. Одновременно наблюдается рост местного и регионального туризма. Вместо экзотических дестинаций туристы всё чаще выбирают путешествие по своей стране, региону либо соседствующим территориям. В перспективе всё большее значение приобретает экологическое качество продукта. Эта тенденция ещё достаточно нова, но исследователи прогнозируют её стремительное и долговременное развитие [4].

Краткий анализ соседского туризма

В контексте современных тенденций важно присмотреться к закономерностям, по которым развивается соседский туризм между Беларусью и Литвой.

Катровский и другие в своём экономико-географическом исследовании (2016) выделили такие основные формы соседского туризма:

- шопинг,
- гастрономический,
- досуговый,
- медицинский,
- транзитный,
- природно-ориентированный,
- культурно-познавательный,
- событийно-ориентированный [5].

Нетрудно определить, что каждая из упомянутых форм актуальна также в контексте белорусско-литовского трансграничного туризма, хотя и в

различной мере. Так, для обеих сторон преобладающей целью поездки является шоппинг, в то время как природно-ориентированный и культурно-познавательный туризм развит относительно слабо.

Рассмотрим 5 аспектов развития соседского туризма и кратко отметим его потенциал либо слабые стороны.

1. Общая история, общее культурное наследие. Одним из главных двигателей соседского туризма является общность или взаимодополняемость.

Общее историческое прошлое, общие культурные ценности порождают *сентиментальный туризм*. Для белорусов восточные районы Литвы (Вильнюсский край), для литовцев Гродненская и Минская области – это территории, которые были предметом поездок 30 и более лет назад. Многие помнят, что ездили в Друскининкай «на чашку кофе» или в Гродно «за мороженым». Тем не менее, путешествия этого типа, которые стали популярны благодаря введению безвизового режима по белорусской стороне, сами по себе не имеют большого потенциала. Удовлетворение любопытства часто ограничивается одной поездкой [1].

2. Общий туристический продукт. Как мы уже вспоминали, приграничные регионы обычно малонаселены и менее урбанизированы. Именно поэтому на приграничных территориях сохранено всё богатство природы, прекрасные возможности для агротуризма, создания гастрономических объектов, *трансграничных велосипедных и пешеходных маршрутов*. К примеру, Августовский канал теоретически является общим туристическим продуктом трёх приграничных территорий – Польши, Беларуси и Литвы. Как по литовской, так и по белорусской стороне в этой сфере по-прежнему непотчатый край возможностей и неиспользованный потенциал.

Важными условиями для развития туризма здесь являются соотношение цен, качество предлагаемых услуг, известность и численность достопримечательностей, качество человеческого капитала, правовое урегулирование и др. факторы [5].

3. Общие туристы. Соседский туризм позволяет черпать выгоду обеими сторонами. Друскининкай посещает ежегодно около 400 тысяч туристов, в том числе почти 40 % гостей из-за границы. В 2018 году по безвизовому режиму Гродненскую область посетили более 90 тысяч иностранных гостей [6]. Очевидно, что не только литовцы, но и иностранцы, которые приезжают в Друскининкай, являются потенциальными клиентами Гродно, и наоборот.

4. Общие границы. Государственные границы играют большую роль в распределении туристических потоков. Особенности оформления визы, степень жёсткости формальностей и пограничного режима, время ожидания на границе – всё это существенно влияет на интеграцию или, наоборот,

изоляцию приграничных территорий. Мы уже говорили о позитивном влиянии на туризм введения безвизового режима, однако само наличие границы, необходимость ожидания, непредсказуемость затрачиваемого на ее пересечение времени по-прежнему остаются сдерживающими факторами. Число поездок на белорусско-литовской границе растёт, но решающими являются потребности и возможности жителей [5].

Однако есть и другая точка зрения. Парадоксально, но в существовании границ некоторые исследователи усматривают не только символ барьера, но и символ интеграции, связующий элемент. Известны примеры, когда границы даже создаются искусственно, чтобы повысить интерес к объекту. Например, чтобы попасть в Беловежскую пушу, люди преодолевают расстояние, платят за билеты, стоят в очереди. Во всем мире создание национальных парков и отделение их границами от остальной природы повышает к ним интерес. Исследователи обращают внимание на то, что граница является обещанием чего-то *нового, необычного*, возможно, даже *запретного* и *недоступного*. А все эти характеристики звучат очень привлекательно в туристическом контексте.

Мы уже упоминали о виде туризма, который сокращенно можно назвать «за мороженым» или «на кофе». Помимо сентиментальной стороны, приграничная Беларусь вызывает у жителей Литвы (и Европы) интерес своими потенциальными отличиями, и наоборот. Туристы, которые пересекают границу, надеются, что найдут за ней что-то новое, необычное и, возможно, даже недоступное для них в других местах. Другие продукты, другие магазины, другая ёлка. Люди хотят новых впечатлений и нового опыта. И чем сильнее различия – тем больше потенциал.

5. Соседский туризм = устойчивый туризм. По большому счёту, соседский туризм соответствует определению *устойчивого туризма*: «Устойчивый туризм подразумевает большую социальную ответственность, выполнение обязательств по отношению к природе, а также вовлечение местного населения во все процессы, связанные с управлением туристической деятельностью» [7]. Соседский туризм не требует преодоления длинных дистанций, исключает полёты на самолёте, создаёт условия для взаимного развития местных сообществ, сохранения культурной целостности региона, разумного использования природных ресурсов. Элементом устойчивого туризма может стать создание туристических достопримечательностей, не требующее больших инвестиций, зато привлекающее к участию местное сообщество.

Таким образом, залогом развития туризма на приграничных территориях соседствующих государств является взаимодополняемость. Её показателем является наличие общего туристического продукта, удобство транзита, разнообразие туристических ценностей, вовлеченность местного населения. Вместе с тем неизбежен дисбаланс между величинами туристи-

ческих потоков и уровнем развития туристических услуг и инфраструктуры между соседствующими государствами. Различие в уровне экономического развития, культуре, уровне цен и выборе товаров способствует туристической привлекательности. Масштабы туризма значительно увеличивает повышение открытости границ, упрощение формальностей и сокращение времени прохождения границы.

The article presents selected problems of development of tourism within the areas neighboring upon the Lithuanian and Belorussian border. The most important elements on tourist attractiveness of a border-adjacent area are presented, e. g. the presence of a common tourism product, the convenience of border crossing procedure, sustainability and diversity of tourist values, and the involvement of the local communities. However, an imbalance between the magnitude of tourist flows and the level of development of tourist services and infrastructure between neighboring states is inevitable. The difference in the level of economic development, culture, price level and choice of goods contributes to tourist attractiveness. The scale of tourism is influenced by the simplification of formalities and the reduction of time for passing the border.

Straipsnyje pateikiamos pasirinktos turizmo plėtros problemos kaimyninėse Lietuvos ir Baltarusijos pasienio teritorijose. Pateikiami svarbiausi pasienio teritorijos turistų patrauklumo elementai, pvz. bendro turizmo produkto buvimas, sienos kirtimo tvarkos patogumas, turizmo vertybių tvarumas ir įvairovė bei vietos bendruomenių įtraukimas. Kita vertus, egzistuoja ir disbalansas tarp turistų srautų ir turizmo paslaugų pasiūlos bei infrastruktūros išsivystymo lygio tarp kaimyninių valstybių. Ekonominio išsivystymo lygio, kultūros, kainų lygio ir prekių pasirinkimo skirtumai padidina turizmo patrauklumą. Turizmo plėtrai teigiamos įtakos turi formalumų supaprastinimas ir sutrumpėjęs sienos kirtimo laikas.

Список литературы

1. Więckowski, M. Specific features of development of tourism within the areas neighbouring upon the Polish Eastern border / M. Więckowski // Institute of Geography and Spatial Organization, Polish Academy of Sciences. Europa XXI 2010, 20:101–115.
2. Baltarusijos-Lietuvos valstybinė siena [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lt.wikipedia.org/wiki/Baltarusijos-Lietuvos_valstybinė_siena.
3. Studzieniecki, T. Statystyka publiczna jako narzędzie badawcze turystyki na obszarach transgranicznych w Polsce / T. Studzieniecki, A. Wołoszyk // Folia Turistica / Akademia Wychowania Fizycznego im. B. Czecha w Krakowie. – 2016. – Nr 38: Turystyka w antropologicznej perspektywie. – S. 81–111.
4. Исследования польского рынка [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://grupaiqs.pl/pl/raporty/>.
5. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения / А. Катровский [и др.]. – Смоленск : СГУ, 2016.
6. Итоги туристического 2018 года [Электронный ресурс] / Управление спорта и туризма Гродненского облисполкома. – 2019. – Режим доступа: <http://www.oblsport.grodno.by/>.
7. Европейская программа по дистанционному обучению в области комплексного управления CoastLearn, модуль «Устойчивый туризм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.biodiversity.ru/coastlearn/tourism-rus/con_tourism.html.

Светлана Кенько,

заместитель директора государственного
историко-культурного учреждения «Музей-усадьба М. К. Огинского»

МУЗЕЙ-УСАДЬБА М. К. ОГИНСКОГО КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Имение в Залесье принадлежало представителям рода Огинских с начала XVIII в. С 1802 года усадьба перешла в наследство Михалу Клеофасу, который начал строительство нового дворца. Вместе с другими постройками и парками усадьба вызывает заинтересованность как образец дворцово-паркового архитектурного периода, но в первую очередь – как источник культурно-исторических событий. Во времена Михала Клеофаса Огинского усадьба получила поэтическое название Северные Афины и считалась культурным центром Виленского края. В период проживания композитора в Залесье гостями здесь были многочисленные известные деятели культуры, тут проходили концерты, музыкальные вечера, театральные выступления. Дворцово-парковый ансамбль в аг. Залесье представляет собой значительную культурную ценность как напоминание о среде, в которой прошли наиболее продуктивные годы жизни композитора.

Торжественное открытие государственного историко-культурного учреждения «Музей-усадьба М. К. Огинского» состоялось в 2014 году, а через год – к 250-летию со дня рождения Михала Клеофаса – в отреставрированном усадебном дворце была торжественно открыта музейная экспозиция, автором которой являлась Зинаида Леонтьевна Кучер – заведующий Музеем истории театральной и музыкальной культуры, филиалом Национального исторического музея Республики Беларусь.

Как показывает историческая ретроспекция, усадьба М. К. Огинского прошла сложный путь развития: от культурного центра XIX в. до регионального центра культурной коммуникации. На данный момент музей-усадьба является самым главным туристическим объектом агрогородка Залесье и Сморгонского района. Интерес к М. К. Огинскому, его жизненному и творческому пути возрастает с каждым годом. За последние годы количество посещений всеми категориями туристов постоянно увеличивается. Мероприятия музея-усадьбы становятся все более популярными и востребованными. Наибольшим спросом у посетителей пользуются такие мероприятия, как взрослые и детские балы, фестиваль «Георгины ко Дню рождения Михала», праздник «Возвращение “Северных Афин”», концерты классической музыки не только белорусских исполнителей, но и музыкантов из-за рубежа, а также театрализованные экскурсии, мастер-классы по танцам XIX в., квест-игры.

В 2014 году учреждение посетило около 4000 человек, за январь – ноябрь 2019 года – 40000 человек. Из года в год прослеживается устойчивая тенденция увеличения потока туристов. Основной контингент посетителей музея составляют организованные группы и индивидуальные посетители из числа белорусских и иностранных граждан. Чаще всего посетителем учреждения является турист, который предпочитает туризм по Беларуси, но в то же время растет поток зарубежных туристов. Музей посетили туристы из России, Литвы, Польши, Латвии, Украины, Италии, Израиля, Германии, Китая и других стран. Наиболее тесно учреждение сотрудничает с туристическими фирмами ОДО «Виаполь», фондом «Страна замков», ООО «БелАгроТрэвел», ООО «Вегатур», ТЭУП «Беларустурист». Налажена совместная работа с санаториями и оздоровительными центрами Республики Беларусь. Это свидетельствует о том, что существует устойчивый интерес к деятельности музея-усадьбы, связанный с историко-культурным наследием М. К. Огинского. В настоящее время в целях поддержания качественного уровня и эффективности работы в музее проводится анализ аудитории, что помогает изучать потребности и запросы посетителей. В музее разрабатываются и внедряются новые программы для привлечения различных целевых аудиторий: дошкольной аудитории, людей «третьего возраста», людей с ограниченными возможностями и семейной аудитории.

Одна из главных задач работы в музейном учреждении сегодня – привлечение иностранных туристов. Данное направление реализуется также в рамках проектной деятельности. Благодаря участию в проектах наблюдается стабильное увеличение потока туристов, повышение материально-технической базы учреждения, появление устойчивых профессиональных связей на международном уровне, что способствует развитию положительного имиджа музея.

В 2017 году музей реализовал 2 проекта, получившие поддержку. Проекты оказались успешными, так как были строго соблюдены все составляющие. Например, проект «Антураж кофейни “Северных Афин” как полонез неповторим», был связан с необходимостью организации работы кофейни в усадьбе. Но существовала проблема, заключавшаяся в отсутствии кофемашины, необходимого оборудования для изготовления собственной выпечки, отсутствии оригинальной посуды (ведь, согласитесь, кофе в пластиковых стаканчиках испортит впечатление даже от самого красивого интерьера). Но ресурс был огромный – наличие помещения для прекрасной кофейни, тем более с историческим антуражем, заинтересованность людей в данном проекте. И все получилось. Сегодня мы можем говорить об успешной реализации данного проекта: у нас есть необходимое современное оборудование для производства собственной выпечки, посуда с вензелями Огинского, в оранжевые установлены два съемных пандуса. Все это ещё больше повысило привлекательность музея для посетителей, иногда люди даже при-

езжают в кофейню просто попить кофе. Таким образом, наблюдается увеличение потока туристов.

Что касается второго успешного проекта, «Природное и историко-культурное наследие Залесья», то в нём мы участвовали как партнёры, но это несколько не уменьшило значимость данного проекта и для нашего учреждения, и для всего Залесья в целом. На всей территории Залесья и усадьбы сегодня установлены указатели, стенды, доски объявлений, для оранжереи закуплены экзотические растения, которые сегодня радуют наших посетителей. Я думаю, что устойчивость данного проекта также очевидна.

Музей-усадьба участвовал в программе сотрудничества в целях развития «Беларусь-2018» Посольства Польши в Республики Беларусь с проектом «Иппотерапия для эффективной реабилитации инвалидов», бюджет проекта составил 35000 евро, на эту сумму были приобретены 3 лошади и 2 пони, а также кареты и сани, снаряжения для лошадей и пони. Благодаря данному проекту музей ввел новые виды услуг: катание на карете, катание на пони, – которые пользуются спросом у посетителей.

На сегодняшний день в музее реализуется проект «Актуализация и восстановление европейского культурного ландшафта на литовско-белорусской границе» Программы трансграничного сотрудничества «Латвия – Литва – Беларусь» 2014–2020 гг. с Тракайским национальным парком Литовской Республики. Бюджетная часть проекта музея-усадьбы составила 94796,14 евро, которая была использована для реставрации парковой беседки, закупки складных стульев для парка, дубов. Также планируется проведение международной конференции по историческим паркам и работа волонтерского лагеря, издание брошюры, закупка скамеек и др. В беседке планируется проведение музыкальных вечеров и гостиных, выставок.

В 2018 г. отреставрирована часть парка № 2 – английского пейзажного парка, восстановлена китайская беседка, а также осушено озеро и очищено его дно от ила, укреплены берега, отреставрирована дамба и два существующих моста и построен еще один новый (восстановлен, исходя из гравюры 1822 г. Леонарда Ходько), благодаря спонсорской помощи Банка развития Республики Беларусь.

Для успешного развития музея-усадьбы внедряются новые современные востребованные услуги, эффективно используется материально-техническая база, включается экспозиционное, выставочное, фондовое, мультимедийное и др. оборудование, повышается уровень традиционных направлений и внедряются инновационные методы, осваиваются новые формы работы и направления деятельности, создается современная инфраструктура.

В ходе реализации мероприятий раскрывается потенциал музея-усадьбы как культурно-досугового и образовательно-просветительского центра с привлекательным обликом для посетителей всех возрастных и социальных групп, пробуждается общественная активность.

В результате работы музея-усадьбы на протяжении пяти лет созданы музейные пространства, заложены общественные зоны, включая околomuзейное пространство. Эти территории безопасны и комфортны для всех категорий посетителей. В них предложены дополнительные досуговые возможности, которые помогают публике получать новый культурный и интеллектуальный опыт.

Музей-усадьба М. К. Огинского создает и гармонизирует информационное пространство вокруг себя и выступает как центр культурной коммуникации региона. Он является одной из культурных достопримечательностей как региона, так и всей страны, притягательной как для местных жителей, так и для туристов. Этот выдающийся культурный объект имеет большое значение для сегодняшнего и будущего поколений.

State historical and cultural institution «Mikhail Kleofas Oginski Estate Museum» was opened at the family estate of the composer Mikhail Kleofas Oginski. In the interior of the end of the 18th–19th centuries, visitors can slow down the frantic race of life and touch to the great world of art, music and culture, feel the breath of old Belarusian manor and its inhabitants.

Valstybinė istorinė ir kultūros įstaiga «M. K. Oginskio dvaras-muziejus» buvo atidarytas kompozitoriaus Mykolo Kleopo Oginskio šeimos dvare, kur lankytojai, pabėgę nuo pašėlusių gyvenimo lenktynių, XVIII a. pabaigos – XIX a. interjere gali prisiliesti prie didingo meno, muzikos ir kultūros pasaulio ir pajusti senojo Baltarusijos dvaro ir jo gyventojų pulsą.

УДК 94(474/476)ВКЛ(1569–1773):27–789.5(476)

Владимир Лявшук,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой туризма
и культурного наследия учреждения образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

О СИМВОЛИКЕ ФАСАДА БЫВШЕГО ИЕЗУИТСКОГО КОСТЁЛА В ГРОДНО

По сторонам главного входа в бывший иезуитский, а ныне кафедральный костел Св. Франциска Ксаверия в Гродно находятся ниши со скульптурами святых апостолов Петра и Павла. Туристам обязательно рассказывают, что первый костел иезуитов, обосновавшихся в Гродно в 1622 г., носил титул апостолов Петра и Павла. Его перестроили в школу в 1700 г., когда было практически готово новое храмовое здание, достойное статуса сеймового города. А скульптуры остались на память. Историки более осто-

рожны в заявлениях, так как consecratoria гродненского костела с таким титулом не нашла подтверждения в документах. Хотя действительно в 1650 г. в книге о состоянии Церкви в Великом княжестве Литовском иезуит Войцех Вийюк Коялович указал, что в Гродно есть, «благодаря щедротам различных благотворителей, коллегиум Общества Иисуса в честь святых Петра и Павла» (лат. *ad SS. Petri & Pauli collegium Societatis Jesu ex beneficentia variorum benefactorum*) [1, с. 105]. Коялович провел в Гродно целый учебный год (1633/1634) в качестве магистра (то есть учителя) поэтики и грамматики. Но в 1650 г. он почему-то назвал гродненскую резиденцию коллегиумом, хотя в документах ордена таковым она стала только в 1664 г. [2]. Это сложно объяснить. Военные конфликты середины XVII в., уничтожив людей, имущество и документы, оставили нам загадки.

Тем не менее, скульптуры святых апостолов Петра и Павла хорошо подходят в качестве отправной точки для пояснения, какую роль иезуитский коллегиум играл в европейской культуре, в культуре ВКЛ и в культуре конкретного города Гродно. Святой Петр держит в руках книгу и ключи, святой Павел – меч и книгу. Ключи и меч – стандартные атрибуты этих святых. А вот с книгами не всё однозначно. Книга у святого Петра большого размера (*in folio*), а у святого Павла – среднего (*in quarto*). Почему? И почему вход в гродненский храм иезуитов находится так высоко над уровнем рыночной площади? Это случайно или же эти детали как-то связаны с социокультурной моделью иезуитского коллегиума?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо вкратце охарактеризовать, что собой представляла эта модель и каков ее генезис. Начать необходимо с упоминания того факта, что европейцы в XV–XVI вв. стали ощущать переживаемую эпоху как Новое время, отличное от предыдущего. Это отличие выразилось в двух идеях, направлявших культуротворческую деятельность, – идее ренессанса и идее аккумуляции. В первой было имплицировано циклическое восприятие времени, а во второй – линейное. Идея ренессанса аргументировалась тем, что вершина человеческой культуры была достигнута в золотом веке античности, затем культура пережила глубокий упадок и сейчас стала возвышаться, возрождая античные образцы добродетели и красоты. Красота, понимаемая как оптимальность, стала критерием истинности. Духовная красота конкретного человека определялась по соответствию его риторики античным образцам. Отсюда вытекала цель гуманистического образования – изучить латинский и греческий языки и овладеть ораторским искусством. В свою очередь идея аккумуляции предполагала, что главное отличие переживаемой эпохи от предыдущей базируется на улучшении жизни в результате технологических нововведений и открытий, превышающих своим уровнем технику предыдущих поколений. Бытование данной идеи ограничивалось достаточно узкой в раннее Новое время сферой производства материальных благ.

Из идеи ренессанса выросла идея реформации, сторонники которой полагали, что после античного язычества существовала эпоха идеального христианства, которое, начиная примерно с VII в., стало портиться и извращаться, поэтому надо вернуться к первичным формам добродетельной жизни христианских общин, не искаженным народами в средневековые иерархическими церковными институтами. Иерархию полагалось отвергнуть, а взамен – обеспечить доступ широких масс к сути христианского вероучения. Последнее стремление воплотилось в переводческую активность протестантов по отношению к Священному Писанию.

Реакцией на реформацию стала контрреформация, также представлявшая собой обращение к истокам и возрождение чистых форм, но только в рамках иерархической Католической церкви. Контрреформация демонстрировала иной подход к языковой проблеме. Если родной язык воспринимался как естественный дар природы, то латынь, которую нельзя впитать с молоком матери, воспринималась как дар сверхъестественный, при помощи которого Католическая церковь разговаривала с Богом. Изложенное на латыни вероучение Католической церкви представлялось максимально верным, чистым и неискаженным, ибо лексика ставшего мертвым латинского языка контролировалась письменными (хирографическими, а затем типографическими) практиками и оставалась стабильной. Увеличение доступности сути католической доктрины деятелями контрреформации виделось через повышение образовательного уровня человека до уровня свободного общения с латинскими текстами. Инструментом такого преобразования человека была гуманистическая школа.

В рамках контрреформации созданием сети гуманистических школ занялось основанное в 1540 г. Игнатием Лойолой Общество Иисуса (лат. *Societas Jesu*). Необходимо обратить внимание, что название «Общество Иисуса» было не столько внешним обозначением группы людей, сколько онтологической характеристикой их состояния. Лойола научился переживать мистическое общение с Иисусом Христом и Богородицей на регулярной основе и свой опыт закрепил в методике духовных упражнений [3]. Культивируемая Лойолой и его товарищами пятиэтапная мысленная молитва (игнатианская медитация и игнатианское испытание совести) регулярно возвращала каждого из них в онтологическое вневременное состояние со-бытия с Христом, а следовательно, постепенно формировала идеальных христиан. Цель жизни идеального христианина, по убеждению Лойолы, состояла в преумножении хвалы Богу (лат. *ad maiorem Dei gloriam*), что выражалось не столько в личном благочестии, сколько в оказании помощи ближнему в его спасении. Эта помощь базировалась на речевых практиках – проповедническом служении, сопровождении духовных упражнений, выслушивании исповедей и обучении детей и «простецов» истинам веры [4, с. 29].

Для того чтобы стать образцовым членом Общества Иисуса, какими были семь магистров Парижского университета во главе с Игнатием Лойо-

лой, основавшие само Общество, необходимо было пройти длительный путь формации, сочетавший духовные упражнения и высшее гуманитарное образование. В 1548 г. в Мессине на Сицилии на средства городского патрициата Общество открыло коллегиум для обучения молодых иезуитов-схоластиков, который могла посещать светская молодежь. Но молодежи в коллегиум пришлось столько, что орденским схоластикам, кроме собственной учебы, пришлось помогать немногочисленным профессорам в ее обучении. Спустя некоторое время выяснилось, что схоластики, обучая других, быстро достигли значительных успехов в собственном образовании. Этот момент стал переломным в развитии Общества Иисуса. Учительская практика превратилась в составную часть формации его членов, а организационно-правовая форма Мессинского коллегиума стала прообразом их типового орденского дома [5].

На территории современной Беларуси первый коллегиум был основан в Полоцке в 1580 г. В момент учреждения самостоятельной Литовской провинции ордена в 1608 г. Общество Иисуса было представлено уже сетью из двенадцати орденских домов, десять из которых имели выраженную дидактическую и миссионерскую составляющую: миссии, резиденции и коллегиумы. Фактически была создана абсолютно новая для Великого княжества Литовского социальная инфраструктура. Типичный инфраструктурный узел этой сети – коллегиум – представлял собой комплекс зданий, включающий школу, храм, клаузуру (закрытое для посторонних общежитие для самих иезуитов), бурсу для музыкантов капеллы, жилища для челяди и хозяйственные постройки. Коллегиум всегда располагался в городе, как правило, внутри городских стен (если они были), максимально близко к Рыночной площади. В условиях политико-правового режима Речи Посполитой земельный участок коллегиума был исключен из городской юрисдикции (отсюда название участка – юридика), то есть относился к числу шляхетских земель с вытекающими из этого статуса налоговыми последствиями и взаимоотношениями с магистратом. Функционирование коллегиума обеспечивалось доходом, получаемым с земельных угодий, составлявших учредительный фонд (фундацию, фондуш). Благодаря фондации коллегиум мог обеспечить бесплатность образования всем желающим независимо от сословия, конфессиональной или этнической принадлежности.

Коллегиум объединял две группы людей. В документах ордена они именовались «наши» и «экстерны». «Наши» были представлены общиной монашествующих священников и братьев, в которой полнотой власти обладал отец-ректор. Верхний слой жестко закрепленной иерархии составляли священники-професы, ниже находились священники-коадьюторы, то есть помощники професов, еще ниже – будущие священники, именуемые схоластиками, и братья-коадьюторы. Братья занимались физическим трудом и, если умели читать, то только на родном языке. На самом низу пирамиды

находились полностью неграмотные – челядь и подданные крестьяне коллегиума. Под «экстернами» подразумевались учащиеся коллегиума, проживавшие в городе на квартирах-станциях, ежедневно приходящие в школу коллегиума.

Практикуемый в ордене двенадцатилетний цикл подготовки к принятию последних обетов обусловил то обстоятельство, что во второй половине XVI в. Общество Иисуса на территории ВКЛ было представлено иностранцами, которые медленно разбавлялись местными кадрами. По социальному происхождению иезуиты были представлены мещанами, мелкой шляхтой и даже представителями зажиточного крестьянства. Крестьянское происхождение подозревалось современниками у первого ректора Полоцкого коллегиума знаменитого Петра Скарги (1536–1612). После сандомирского рокоша (1606–1609), направленного против абсолютистских устремлений короля и поддерживавших его иезуитов, в Литовской провинции Общества Иисуса произошли кадровые изменения. Иностранцы и мещане были практически полностью вытеснены из личного состава представителями местной средней и мелкой шляхты.

В последней четверти XVI в. стал очевиден глобальный размах Общества Иисуса. Для унификации школьных практик Генеральная курия ордена в Риме инициировала разработку единого уложения наук (лат. *Ratio Studiorum*). Документ интенсивно разрабатывался в течение 13 лет выдающимися педагогами всех провинций ордена, прошел многоэтапную процедуру апробации и был введен в действие в 1599 г. В своих подробных предписаниях *Ratio Studiorum* жестко закрепил в качестве собственной образовательной модели модель чистой гуманистической школы – гимназии, – оптимизированную путем проб и ошибок трех поколений орденских педагогов.

В результате, с социокультурной точки зрения, иезуитский коллегиум являл собой иерархически сложное самоуправляемое объединение мужчин, культивирующих мысленные духовные практики (по методу Игнатия Лойолы) и устные речевые практики на мертвом языке (латыни). Речевые практики были направлены на усвоение и последующее применение риторики, науки о целесообразной устной (оральной) коммуникации, связанной с публичным выступлением. Риторика нужна была священникам, политикам, военачальникам – тем, кто в своей повседневной деятельности занимался влиянием на других людей. Обучение было аддитивным, то есть овладение латынью происходило малыми порциями последовательно день за днем. Порция определялась размером текста, помещающегося на восковой табличке ученика. Письмо служило только для облегчения запоминания, но не для хранения информации. Смысл обучения заключался в наследовании. Учащиеся двигались вслед за постоянно «скармливающим» им порции текста преподавателем по ступеням сложности в классах инфимы, грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. Курс был рассчитан на пять лет,

но в зависимости от наличия способностей и желания мог быть окончен в течение года-двух или, напротив, растянут на семь-восемь лет. Учащиеся при помощи мнемонических техник укладывали прочно в памяти корпус латинских текстов античных и христианских авторов, выделив из них топосы – общие места (лат. *loci communes*). В классе риторики на базе топосов учились составлять собственные стилистически безупречные поэтические и прозаические конструкции. Из топосов, превратившихся в каркас устных и письменных речевых практик, складывалась единая понятийная сфера, объединяющая выпускников коллегиума в особый культурный слой, состоящий из людей, однозначно понимающих друг друга с полуслова, для которых не требовалось согласование понятий, используемых при общении на темы более сложные, чем бытовые. С 1599 г. и до второй трети XVIII в. закреплённый в *Ratio Studiorum* набор текстов, а соответственно и воспроизводимых коллегиумом топосов, оставался практически неизменным. Таким образом, иезуитские коллегиумы служили точками воспроизводства культурных образцов, составляющих культурную матрицу политического народа Речи Посполитой – шляхты.

Возвращаясь к поставленным в начале текста вопросам о смысле разного размера книг в руках скульптурных изваяний апостолов, стоит отметить следующее. Книги в формате *in folio* трудно держать в руках. Они изготавливались специально для чтения с кафедры или церковного аналоя в пространстве храмов и монастырей. Поэтому на фасаде гродненского иезуитского костела книгу такого большого размера держит святой Петр, «человек с ключами от Царства Небесного» (аллюзия, отсылающая к подготовке в коллегиуме будущих представителей духовного сословия).

А вот книги в формате *in quarto* выпускались в большей мере в расчете на светских читателей, читающих книгу дома, держа в руках и сидя за столом. Утилитарный формат подразумевал утилитарное содержание – тексты по праву, философии, военному делу, медицине, ведению хозяйства или просто рецепты от всех болезней. Книга такого формата в руках святого Павла (вспомним, что он был римским гражданином, а не просто «человеком с мечом») – это аллюзия к политическому народу Речи Посполитой – шляхте.

Чтобы войти в храм, надо подняться по крутым ступеням на уровень скульптур апостолов с книгами. Это не только следствие искривления ландшафта, потому что входы в стоящие на одной линии с костелом здания расположены значительно ниже. Высокие ступени хорошо согласуются с мировоззрением иезуитов, полагавших, для того чтобы жить по принципу *ad maiorem Dei gloriam*, человеку недостаточно благородного рождения, ему надо прилагать усилия. Поэтому учеба в коллегиуме, проходившая в отрыве от родителей в мужском окружении с телесными наказаниями и другими трудностями, была своеобразной инициацией молодого человека во взрослого представителя шляхетского сословия. Таким образом,

хотя гродненский иезуитский храм в будни был доступен только для студентов (лат. *studeo* – стараться, прилагать усилия), а для горожан открыт только в торжественных случаях, своим лицом (фасадом) он был обращен к городу и сообщал ему о культурной миссии коллегиума.

The article considers the symbolic reflection of the sociocultural model of the Jesuit collegium in the artifacts preserved on the facade of the Cathedral Church in Grodno. For this, it is briefly described what this model was in the Grand Duchy of Lithuania and what its genesis is.

Straipsnyje nagrinėjamas simbolinis Jėzuitų kolegijos sociokultūrinio modelio atspindys artefaktuose, išsaugotuose Gardino katedros fasade. Aprašoma, koks šis modelis buvo Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje, ir kokia jo genezė.

Список литературы

1. Miscellanea Rerum Ad Statum Ecclesiasticum In Magno Lituaniae Ducatu pertinentium. Collecta Ab Alberto Wiliuk Koiałowicz Societ. JESU, S. Theol. Doct. Almae Universitatis Vilnensis Procancelario, & Ordinario S. Theol. Professore vulgata Superiorum Permissu, Vilnae, Typis Academicis, Anno Domini MDCL (1650). – 128 p.
2. Лявшук, В. Иезуиты в Гродно в 1622–1700 гг.: люди и история коллегиума = Jezuici w Grodnie, 1622–1700: ludzie i dzieje kolegium / В. Лявшук. – Kraków : Wydawnictwo WAM, 2013. – 327 с.
3. Лойола, И. Духовные упражнения. Духовный дневник / И. Лойола. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 376 с.
4. Konstytucje Towarzystwa Jezusowego wraz z przypisami Kongregacji Generalnej XXXIV oraz Normy Uzupełniające zatwierdzone przez tę samą Kongregację. – Kraków : WAM, 2006. – 565 s.
5. Лявшук, В. Е. Организационные аспекты образовательной модели иезуитского коллегиума : моногр. / В. Е. Лявшук. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 239 с.

УДК 007:044

Ирина Милинкевич,

магистр исторических наук, старший научный сотрудник
Национального историко-культурного музея-заповедника «Несвиж»

СУДЬБА ХРАМОВ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ (ЮРИЯ) В НЕСВИЖЕ КАК ПРИМЕР КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ КОНЦА XVI–СЕРЕДИНЫ XIX вв.

История Несвижа, родового гнезда князей Радзивиллов, насыщена разнообразными событиями, которые влияли на социально-экономическое, политическое и конфессиональное положение не только города, но и всей страны. Этим обусловлен интерес исследователей, и не удивляет тот

факт, что городу и магнатскому роду посвящено много научных и научно-популярных работ. Несмотря на повышенное внимание к истории города, в ней остаётся много неопределённых моментов.

Целью этой статьи является проследить сложную судьбу несвижских церквей, освященных в разное время в честь одного святого – Георгия или, как принято было его называть на наших землях, Юрия.

Необходимо отметить, что на землях Великого княжества Литовского многие христианские храмы были освящены в честь этого святого. Точно не известно, когда культ святого Георгия (Юрия) распространился по христианскому миру. Но уже в XV веке его почитание было третьим в Европе после Матери Божьей и святого Михаила. На наших землях праздник святого Юрия праздновали два раза в год (весной и осенью). Юрий считался опекуном земледелия и скотоводства, возможно, поэтому он так нравился нашим предкам, которые в большинстве были земледельцами [4, с. 164].

Для лучшего понимания двойственных названий храмов надо объяснить путаницу с именем святого, которое имеет греческое происхождение. При произношении у наших предков с трудом получалось мягкое «г», поэтому имя получило разные формы: Ергий, Юрий, Егор. Таким образом, одно имя превратилось в три. Только в XIX в. начался процесс их обособления; после Октябрьской революции имена приобрели самостоятельный документальный статус – Георгий и Юрий. Точно так же, как и третий вариант имени Георгий – Егор.

При работе с польскими источниками некоторые исследователи переводили «Jerzy» иногда как «Юрий», а временами как «Георгий», и это вносило путаницу в определение названий храмов.

Точная дата появления храма Святого Юрия в Несвиже неизвестна. Белорусский историк и археолог А. Метельский предполагает, что его строительство началось между 1577 и 1586 гг. [7, с. 49], когда Николай Христофор Радзивилл Сиротка стал полноправным владельцем Несвижа. Другие даты появления храма приводит польский исследователь Т. Бернатович, который считает, что строительство началось после того, как город получил магдебургское право, и закончилось до подписания Брестской унии (это значит с 1586 до 1596 гг.). [1, s. 91]. В любом случае следует, что святыня появилась в Несвиже в конце XVI в.

Что касается её местонахождения, то, согласно привилею 1635 г. Альбрехта Владислава Радзивилла, церковь находилась напротив бернардинского монастыря: «...iż mając my cerkiew ruską wmieście naszym Starym Nieswiżskim od bramy Wilenskiej po prawey ręce przeciwko ojców Bernardynów...» [2, с. 11]. Примерно на том же месте на гравюре Т. Маковского можно увидеть постройку, которую автор подписал: «Templum Graecorum» (греческий храм). В. Поздняков в своей статье «Нясвіжскія цэрквы XVI–XVIII вв.» так локализирует храм Святого Юрия: «...теперь на этом месте сад около средней школы № 1. Виленские ворота находи-

лись в северо-западной части городских укреплений. Когда через них входили в город, то по левую руку находился бернардинский монастырь, который был тылом северного бастиона городских укреплений. По правую руку находилась Юрьевская церковь, которая таким образом была тылом западного бастиона» [11, с. 67].

Можно предположить, что церковь Святого Юрия в Несвиже была оборонительного типа вроде храмов в Сынковичах и Малом Можейкове. Вероятно, она строилась как православная [11, с. 67], но после Брестской унии была преобразована в униатскую, как и другие церкви в имениях князя Николая Христофора Радзивилла [8, с. 22]. Это следует из источников первой половины XVII в. Например, из привилея Альбрехта Владислава Радзивилла мы знаем, что после смерти в 1635 г. священника Евстафия Каменского (Каминского), который служил в церкви Святого Юрия с 1627 г., на его место киевским униатским митрополитом Иосифом Руцким был назначен священник Василий Меляшкевич [2, с. 12].

Уже через неполные столетия в материалах визитации церковей Киевско-Виленской митрополитской епархии, инициатором которой был Киприан Жаховский, церковь Святого Юрия в Несвиже не упоминается. В то время (конец XVII в.) тут были две униатские церкви – Преображения Господнего (в городе) и Рождения Девы Марии (за городом) [3, с. 146]. Несвижская церковь Преображения Господнего описывается так: «...cerkiew drewniana, nowa, piękna», – откуда становится понятным, что вместо старой (возможно, уничтоженной во время штурма города русскими войсками в 1655 г. или в 1660 г.) была построена «новая и красивая».

Больше чем сто лет церковь Святого Юрия в Несвиже не упоминается в источниках. За это время перестала существовать Речь Посполитая, где доминирующей была католическая конфессия. Белорусские земли оказались в составе Российской империи, где поддерживали православие и негативно относились к грекокатоликам. Был запущен механизм по расторжению унии и происходил обратный процесс по превращению церковей из униатских в православные. Так случилось в Несвиже. Точно известно, что во время пожара 1836 г. сгорела бывшая деревянная униатская церковь (Преображения Господнего), которая в последнее время была православной.

В это время православные верующие Несвижа столкнулись с проблемой отсутствия собственного храма. В. Сырокомля писал, что в середине XIX века в городе, который насчитывал 4230 жителей, было пять костёлов, три мужских и один женский католический монастырь, один каменный и несколько деревянных еврейских молитвенных домов [14, с. 129].

Многолетние попытки православного духовенства добиться выделения участка на строительство новой церкви не приносили результата. Участки в центре принадлежали или арендовались несвижскими евреями, которые не желали их уступать. Епископ Минский и Бобруйский даже предлагал минскому губернатору забрать у доминиканцев монастырь и костёл

и переделать под нужды православных верующих [15]. Однако эта инициатива не нашла поддержки со стороны виленского военного губернатора. Возможно, поэтому православная церковь с 1849 г. почти десять лет размещалась в городской ратуше (которая тоже пострадала от пожара и не исполняла свои основные функции). Проблема отсутствия своего храма и невозможность решить этот вопрос положительно, привели к возникновению в литературе песни, где упоминается несвижская церковь Святого Юрия.

...Усе ведьмы разогнала,
Ведьмы, что у ночну пору
Слетались на Лысу Гору.
Святы́й Ю́рій прискакавъ
И в Несвиже церквой ставъ.
Ажъ отъ Ксендзя Радзивилла
Понайшла нечиста сила,
Понайшла нечиста сила,
Русску веру поглумила:
Батьки въ церкви не служили
А ксендзы имшу вопили;
Не было къ нам ани слова
Ни изъ Слуцка, ни съ Турова
Не было ани словечка.
Ю́рій ставъ блудна овечка,
Мы предъ Ю́ріемъ закленимъ
Помолимся и заплачемъ,
Щобъ его святая сила,
Поконала Радзивила [12, с. 115–116].

В 1908 г. анализ этой (и не только) песни сделал Н. Янчук в своей работе «О мнимонародных белорусских песнях исторического и мифологического содержания». Главный вывод автора: «...мнимо-народные песни, въ которых, помимо исторических отголосковъ, встречаемъ также некоторые мифологические выдумки какого-то досужего виршослогателя старого времени... Это стихи тенденциозно сочиненные, т. е. это личное, а не народное творчество» [16, с. 6].

Авторство этой песни приписывается Антонию Зубко, который был епископом брестским, потом минским, одним из соратников митрополита Иосифа Семашки. Впервые произведение было опубликовано в 1839 г. [6, с. 263]. Оно быстро распространилось и даже начало считаться народным.

П. Гильтебрандт в своём «Сборнике памятников народного творчества в Северо-Западном крае» (1866 г.) даже попытался объяснить содержание. Обратим на это внимание: «...выражение “*Батьки въ церкви не служили*” объясняется такъ: православные священники были, существовали, но надъ ними совершалось насилие: ихъ не пускали въ церковь, сданую въ аренду

Жиду...» [12, с. 300]. Попробуем разобраться, откуда появились такие выводы. В 1589 г. Николай Христофор Радзивилл Сиротка дал разрешение на строительство в Несвиже большой каменной синагоги, которая появилась в конце XVI – начале XVII в. и просуществовала до 1944 г. [8, с. 51]. Её построили рядом с церковью Святого Юрия, которая возникла в то же время. Но, в отличие от синагоги, которая пережила войны последующих столетий, церковь мало того, что была разрушена, так и действовала большую часть своей истории как грекокатолическая, хотя и строилась как православная.

Что касается именно святого Юрия, то П. Гильтебрандт считал, что «...она (*песня*) сочинена в Несвиже, так как автор, по-видимому, ратушет именно за Несвиж, как за свой город, А. С. (автор песни. – *И. М.*) замечает, что жители Несвижа особенно чтят св. Георгия и считают его своим патроном, и что следы развалин храма во имя этого святого были еще заметны в 1860-х годах на еврейском огороде, против упраздненного бернардинского монастыря...» [16, с. 9].

Насчёт этой песни высказался и Е. Карский: «Песни эти направлены против польских панов и вообще поляков в Белоруссии, поэтому они и появились в печати после первого польского восстания, вспомнили про неё и после второго восстания» [6, с. 263].

Появление этой песни выпало на время возникновения западнорусской идеологии, целью которой было доказать и исторически обосновать принадлежность белорусов к русскому народу. Таким образом, церковь Святого Юрия в Несвиже оказалась втянута в литературные и идеологические страсти XIX в.

Тем временем другая половина этого столетия принесла перемены в конфессиональное положение Несвижа. Значительную роль в смене религиозной политики сыграло восстание 1863–1864 гг., после подавления которого начались репрессии в отношении католического костёла [6, с. 65].

В Несвиже в 1864 г. был упразднен бернардинский мужской монастырь. Костёл Святой Екатерины, который находился при нём, в 1865–1869 гг. был преобразован в православную церковь, которую освятили в честь святого Георгия. Долгое время православная церковь в Несвиже размещалась в ратуше. Так об этом пишут «Минские епархиальные ведомости»: «Помещение для отправления православного богослужения было отведено сначала в грязной полуразвалившейся городской ратуше...» [9]. За неимением другого помещения в 1852 г. был разработан проект перестройки ратуши под православный храм, который, однако, не был реализован. «Минские епархиальные ведомости» за 1869 г. так об этом писали: «Более 30 лет во всем городе, во котором величественно красуются инославные храмы, православная церковь не обретала достойного приюта, была принижена и загнана в место неблаговидное...» [10].

Хотелось бы отметить, что далеко не все желали увидеть вместо костёла церковь. Об этом свидетельствует тот факт, что с сентября по ноябрь 1869 г. (почти перед освящением) было зафиксировано пять пожаров вблизи церкви и в ней самой загорались на полу доски [10]. Количество пожаров в такой небольшой промежуток времени даёт повод предполагать, что таким образом местные жители высказывали протест против передачи здания костёла для православных верующих.

В конце XIX в. конфессиональная ситуация в Несвиже существенно изменилась. Тут действовали одна православная приходская и одна домовая церковь, один костёл и одна часовня (находилась в замке Радзивиллов), одна синагога и двенадцать еврейских молитвенных домов [15]. Согласно переписи 1897 г., в Несвиже проживало 4687 иудеев, 2393 православных и одноверцев, 45 староверов, 1189 римо-католиков, 97 лютеран, 1 представитель евангелистско-реформатской конфессии, 1 баптист, 45 мусульман и 2 представителя армяно-григорианства [15].

Согласно условиям Рижского мирного договора 1921 г., который разделил Беларусь на две части, восточную и западную, Несвиж отошел ко II Речи Посполитой. Хотя, согласно Конституции Польши 1921 г. и 1935 г., римско-католическая конфессия не является государственной, а за гражданами признавалось право свободного вероисповедания [13], позиция католического костёла усилилась. Способствовала этому ревиндикация – возвращение культовых зданий и земель, которые раньше принадлежали католикам, но были переданы православной церкви [5].

Эта политика нового правительства в Несвиже не имела существенных проявлений. Не останавливала свою работу православная Георгиевская церковь в бывшем костёле Святой Екатерины (она действовала до 1950-х гг.). Последний несвижский ординат Леон Радзивилл даже выделил деньги на колокола для неё.

Вторая половина XX в. тоже принесла волну перемен в религиозной жизни. После войны церковь Святого Георгия была повреждена. Именно её аварийное состояние стало официальной причиной окончательного разрушения храма в 1954 г. К этому моменту православными верующими был выкуплен земельный участок, где и возникла третья церковь в Несвиже, освященная в честь святого Георгия (Юрия).

Надо отметить, что сложная судьба храмов, освященных в честь святого Георгия (Юрия), отражает конфессиональную ситуацию не только в Несвиже, но и в государстве, где со сменой власти приходила и смена религиозных ориентиров.

The article deals with confessional issues within the modern borders of Belarus in the late 16th – the middle of 20th centuries on the background of the history of St. George's (St. Yury's) Church in Nesvizh. The article presents the complex ideological situation arising in the course of several centuries.

Straipsnyje, remiantis Nesvyžiaus Šv. Jurgio (Šv. Jurijaus) bažnyčios istorija, nagrinėjami dabartinėje Baltarusijos teritorijoje nuo XVI a. pabaigos iki XX a. vidurio susiklostę konfesiniai reikalai. Pateikiamos sudėtingos ideologinės situacijos, susiformavusios per kelis šimtmečius.

Список литературы

1. Bernatowicz, T. Miles christianus et peregrinus. Fundacje Mikolaja Radziwilla «Sirotki» w ordynacji / T. Bernatowicz. – Warszawa, 1998. – С. 242.
2. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 7.
3. Візіты ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг. // Зборнік дакументаў. – Мінск, 2009. – С. 146.
4. Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя. – Мінск, 2006. – Т. 2.
5. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – Мінск, 1998. – С. 65.
6. Карский, Е. Ф. Белорусы. Т. 3 Кн. 2 / Е. Ф. Карский. – Минск, 2007. – С. 262–263.
7. Кэмп, Т. Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка (1549–1616). Віленскі ваявода / Т. Кэмп. – Мінск, 2016. – С. 222.
8. Метельский, А. А. Владельцы старого Несвижа / А. А. Метельский. – Минск : БелЭн імя П. Броўкі, 2011. – С. 22.
9. Минские епархиальные Ведомости. – № 23, 1869.
10. Минские епархиальные Ведомости. – № 24, 1869.
11. Пазднякоў, В. С. Нясвіжскія цэрквы XVI–XVIII ст. / В. С. Пазднякоў // Беларуская даўніна. Гістарычны альманах. – Мінск, 2015. – С. 64–73.
12. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Выпуск I. – Вильня, 1866.
13. Силова, С. К вопросу о положении православной церкви в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / С. К. Силова // Шлях да ўзаемнасці : матэрыялы XX міжнар. навук. канф. – Мінск, 2005. – С. 324.
14. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах / У. Сыракомля. – Мінск, 2010. – С. 129.
15. Яноўская, В. Канфесійнае жыццё Нясвіжа ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / В. Яноўская, Р. Зенюк // Беларусь, Нясвіжскі край і Эдвард Вайніловіч : матэрыялы навук.-практ. канф. – Мінск, 2016. – С. 98–99.
16. Янчук, Н. А. О мнимонародных белорусских песнях исторического и мифологического содержания / Н. А. Янчук. – Харьков, 1908. – С. 23.

УДК 379.83

Светлана Чувак,

магистр экономики и управления, учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ГРОДНЕНСКОГО РАЙОНА В КОНТЕКСТЕ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА**

Туризм сегодня является одним из самых быстрорастущих секторов экономики в мире: каждый 11-й работник занят в сфере туризма и гостепри-

имства, доля туристических услуг в мировом экспорте в целом составляет 7 % и 29 % в мировом экспорте услуг [1]. Все чаще признается жизненно важным вклад туристической индустрии в создание рабочих мест и развитие благосостояния, экологической защиты, сохранение культуры и борьбу с бедностью. Хорошо развитый и управляемый сектор туризма может и помогает сохранить природное и культурное наследие, от которого зависят возможности принимающих сообществ, расширяются торговые связи. Туризм, основанный на культурном наследии, способствует миру и межкультурному взаимопониманию [2].

Нематериальное культурное наследие, согласно решению Международной конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», принятой 17 января 2003 года на 32-й сессии ЮНЕСКО (г. Париж, Франция), – это «практики, формы подачи и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, объекты, артефакты и культурные пространства, признанные общностями, группами и, в некоторых случаях, отдельными людьми в качестве части их культурного наследия» [3]. Такое наследие проявляется, в частности, в следующем:

- устные традиции и формы выражения, которые включают язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- исполнительские искусства;
- обычаи, обряды, праздники;
- знания и социальные практики, которые относятся к природе и миру;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами.

Беларусь одной из первых в 2004 году подписала Международную конвенцию ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. За 16 лет был сформирован Инвентарь нематериального культурного наследия, который представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Нематериальные историко-культурные ценности в Инвентаре нематериального культурного наследия (23.11.2004–19.03.2019) [4]

Область	Категории инвентаря						Всего
	Исполнительские искусства	Устные традиции	Мифология	Традиционные ремёсла	Традиционная кухня	Традиционные церемонии	
Брестская	1	–	1	5	1	3	11
Витебская	–	3	–	3	3	2	11
Гомельская	3	–	1	2	–	5	11
Гродненская	2	–	1	9	4	1	17
Могилёвская	3	–	1	5	–	4	13
Минская	2	2	2	2	–	4	12
Всего	11	5	6	26	8	19	75

Гродненская область является лидером по количеству элементов нематериального культурного наследия. К ним относятся:

1. Обряд «Юрье» д. Охоново Дятловского района как отличительное проявление локальной культурной традиции.
2. Местный танцевальный стиль исполнения традиционных обрядовых и внеобрядовых произведений аутентичным фольклорным коллективом «Котчинская кадриль» д. Котчино Мостовского района.
3. Традиционная технология ткачества «падвойных дываноў» д. Гудевичи Мостовского района.
4. Традиции «простага двухнітовага» ткачества Волковысского района.
5. Творчество мастера по изготовлению музыкальных инструментов Марьяна Скрамблевича из агрогородка Одельск Гродненского района.
6. Творчество мастера по изготовлению гобеленов в традициях «падвойнага і пераборнага аднабаковага» ткачества Елены Шунейко, г. Гродно.
7. Традиции росписи пасхальных яиц г. п. Сопоткин Гродненского района.
8. Традиции вырезания из бумаги («выцінанка-выбіванка») в Новогрудском районе.
9. Изготовление пасхальных верб на территории северо-западной Гродненщины.
10. Традиционная региональная кухня агрогородка Одельск Гродненского района Гродненской области.
11. Знания и умения по изготовлению традиционного свадебного каравае на Волковышчине.
12. Традиция выпечки караваев на Слонимщине. Календарно-обрядовая выпечка.
13. Традиция чествования валуна «Нявесцін камень» в Ошмянском районе Гродненской области.
14. Традиционное белоузорчатое ткачество Понеманья.
15. Традиционные ткаческие техники изготовления многоцветных покрывал и ковров в агрогородке Погородно Вороновского района Гродненской области.
16. Местный танец «Дембровская кадриль» Щучинского района Гродненской области.
17. Традиция приготовления «Поразаўскай банкухі» Свислочского района Гродненской области [5].

Наличие материальных и нематериальных объектов, практик и элементов культуры не является прямым источником ресурсов в сфере туризма и гостеприимства. Важными являются технологии их разработки и использования.

В настоящее время активно развивается экономика впечатлений, ориентированная на ощущения потребителя. Потребители, уставшие от стандартизированной продукции, стремятся получить товар, созданный спе-

циально для них и максимально соответствующий их внутреннему миру. Поэтому трансформируется традиционная модель отношений между компанией и клиентами, формируется такой сценарий потребительской коммуникации, когда компания – это «режиссёр впечатлений», а клиенты – «зрители» или «гости». Это как нельзя лучше отражает суть взаимосвязи туриста и всей сферы гостеприимства и развлечений. Речь идёт о создании новой потребительской ценности, которая обеспечивает бизнесу, в том числе туристическому, конкурентное преимущество.

Бизнес-услуга в период экономики впечатлений имеет пять базовых характеристик, которые призваны:

- гармонизировать впечатление с позитивным контекстом;
- ликвидировать отрицательные ассоциации;
- вовлекать в потребление все пять органов чувств потребителей;
- создавать общую тему впечатлений;
- соединять всё это «мемориалом» (то, что останется на память: сувениры, открытки и т. п.).

Связь этой теории и интерпретации очевидна. Они говорят практически об одном и том же.

Введение безвизового режима вначале на территории г. Гродно и туристско-рекреационного парка «Августовский канал», дальнейшее расширение территории «Grodno Viza Free» создали условия для беспрецедентного интереса туристов не столько к традиционным туристическим услугам (различного типа экскурсии, катание на теплоходе «Нёман», услуги по питанию и размещению и т. д.), сколько к инновационным туристическим продуктам, созданным в ключе интерпретации. Прежде всего мы имеем в виду фестиваль мельников «Свята млынароў» в Одельске [6]. Фестиваль традиционно проводится 12 ноября – в день святого Мартина, покровителя мельников и мельничного дела. Впечатления потенциальных посетителей фестиваля изначально, ещё на стадии рекламы, направляются в позитивное русло и связываются с традициями, аутентикой традиционной культуры белорусского «мястэчка», вкусом домашней еды, колоритом и особым настроением местных жителей. Все ассоциации потребителей направлены в нужное русло.

Фестиваль тщательно готовится, информационные указатели и логистика движения туристов внимательно продумываются, просчитывается количество потенциальных посетителей, чтобы не превышать предельно допустимую в таких случаях нагрузку. Это позволяет нивелировать отрицательные моменты.

Организаторы фестиваля стараются затронуть все пять органов чувств своих гостей. Оформление праздника яркое, зрелищное и радует глаз. «Свята млынароў» начинается с шествия участников в национальных костюмах по центральным улицам агрогородка. Вокальные и танцевальные коллективы радуют гостей многообразием национальной культуры. Центр

фестиваля – это подворья, которые представляют более десятка декоративных мельниц, привезённых из разных уголков Гродненского района. Они сразу привлекают внимание посетителей, формируют настрой фестиваля и являются эффектными своего рода фотозонами. Среди прочих выделяется местная мельница, установленная около центра культуры как напоминание о прошлом Одельска.

Самый важный атрибут праздника – хлеб нового урожая. Этой традиции придерживаются и сейчас. Во время фестиваля организована выставка-продажа хлебобулочных изделий, выставка каравая и традиционной выпечки. Кроме того, каждый желающий может узнать, как готовятся, и попробовать бабку, сало «по-одельски», зажаренное особым способом, колбаски, знаменитые одельские пироги, пончики и хрусты. Чтобы не потерять такие деликатесы, региональную кухню аг. Одельск включили в Список объектов нематериального культурного наследия Беларуси.

Во время праздника перед Домом культуры проходит ярмарка-презентация районов области. Здесь тоже можно было попробовать различные блюда и приобрести сувениры. В том числе книгу «Каля печы», в которую вошли более 20 рецептов блюд традиционной одельской кухни, внесённые в Список нематериального историко-культурного наследия Беларуси [6].

Ещё Одельск известен тем, что здесь живет народный мастер Марьян Скрамблевич, который создает дудки, флейты, свирели, окарины в виде птиц и рыб, охотничьих рогов. На празднике мельников народный мастер не только демонстрирует свои инструменты, но и радует всех прекрасным исполнением на дудках, некоторые инструменты специально сделаны так, чтобы играть на них мог даже ребёнок. Творчество Марьяна Скрамблевича также входит в Список нематериального культурного наследия Беларуси.

Танцевальный хор, краковяк, конкурсы, викторины, народные игры оставляют незабываемые впечатления.

Впечатление, а ещё лучше – незабываемое впечатление, давно стало главной целью посещения любого историко-культурного или природного объекта, частью любой поездки. Поэтому современные идеологи туризма предлагают любую программу, туристический продукт оценивать с точки зрения силы впечатления. Нужно проводить своего рода инвентаризацию «получаемых впечатлений». Она также необходима как инвентаризация материальных и нематериальных ресурсов при создании туристического предложения. Для подобной оценки существует несколько моделей. Мы используем модель «Колесо впечатлений», которая оценивает впечатления по степени вовлечённости пяти органов чувств человека, физическую и психологическую доступность ресурса и, что особенно важно, степень участия туриста в процессе потребления услуги или продукта.

Исследования доказывают, что люди воспринимают информацию через все пять органов чувств в соответствии со следующей пропорцией: зрение – 75 %, слух – 13 %, прикосновение – 6 %, вкус – 3 %, запах – 3 %.

Они побуждают людей трогать, поднимать, передвигать объекты. Люди слышат звуки окружающей их природы, видят и ощущают запах и используют абстрактные понятия, чтобы оценить или сравнить явления. В идеале все чувства посетителя должны быть вовлечены в восприятие предлагаемой программы. Интерпретатор, как дирижёр, руководит этим процессом, применяя максимально эффективное сочетание средств, ведущее к получению наиболее сильного впечатления.

Однако впечатления – это ещё и воспоминания, которые остаются и живут с нами. Мы помним 10 % того, что слышим, 30 % того, что читаем, 50 % того, что видим, и 90 % того, что делаем. Поэтому при организации интерпретационных программ важно делать их интерактивными и доступными, вовлекая туристов в процесс потребления услуги. У каждого туриста должна быть своя роль, а потребление турпродукта – это хорошо отрежиссированный спектакль со своим сценарием.

Данная модель позволяет оценить впечатление не только качественно, но и количественно. Каждому показателю можно придать определённый вес (от 1 до 5 баллов) и в соответствии с полученной картиной предпринять то или иное действие.

Оценка впечатления при потреблении турпродукта (в данном случае фестиваль «Свята млынароў» и т. п.) производилась самими туристами по специально разработанной анкете. Нами были проанализированы 42 анкеты, заполненные туристами из Литовской Республики.

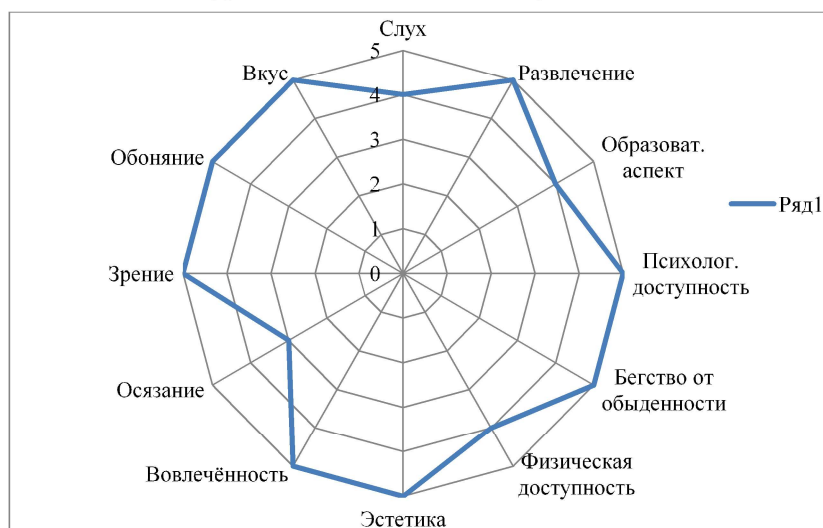

Рисунок 1 – «Колесо впечатлений», составленное на примере «Свята млынароў» в Одельске

Рисунок показывает, что наибольшие баллы получило преобладающее большинство позиций, связанных со вкусом, зрением, обонянием, эстетикой, вовлечённостью, бегством от обыденности, развлечением. Организаторам фестиваля следует доработать аспект, связанный с осязанием и физической доступностью праздника.

Фестиваль в Одессе не первый и не единственный опыт интерпретационного подхода. Подобных примеров в нашей стране множество: музей «Дудутки», Мотольский музей народного творчества, музей «Бездежские фартушки», новгородский Музей еврейского сопротивления, экомузей «Мир пчёл», «Гаенські вытоки», «Хутар дудара», зелёные маршруты «Край жоўтых гарлачыкаў і сірых валуноў», «Валожынскія гасцінцы», программы компании «Событийные технологии», туроператоров «Пан шляху», «Колесо впечатлений», фонда «Страна замков», а также фестивали «Мотальскія прысмакі», «Аненскі кірмаш» и др. Новые подходы в интерпретации помогут почувствовать «дух места» (*genius loci*), в котором мы живем, научиться «читать» наш культурный ландшафт. Интерпретация способствует продвижению идей устойчивого развития. То, что происходит в конкретном месте, даже в небольшом агрогородке, влияет на экосистему всей Земли. Если исчезает какой-то обряд или песня, – беднее становится весь мир. Интерпретация способствует плюрализму и демократизации общества. Интерпретация как концепция демократического мироустройства предполагает многомерность мнений. Это живой процесс, в котором каждая точка зрения проявляет особые значения предмета обсуждения. Это всегда диалог, всегда процесс. Интерпретация пробуждает у туристов свой взгляд на происходящее, желание осознать и глубже понять действительность, своё природное и культурное наследие.

Интерпретация – это возможность самореализации людей, у которых есть знания, опыт, креативные идеи. Это очень интересная деятельность, которая позволяет создавать экономику с добавленной ценностью, не требующей больших инвестиций.

The article is about the role of interpretation of the historical and cultural heritage for the creation of the modern tourist products. On the example of Festival «Millers Holiday», the author demonstrates how traditional cultural resources such as cuisine, music culture and dance became a unique tourist product.

Straipsnyje pristatomas istorinio ir kultūrinio paveldo interpretacijos vaidmuo kuriant šiuolaikinį turizmo produktą. Festivalio «Malūnininko atostogos» pavyzdžiu autorius parodo, kaip tradiciniai kultūros ištekliai, tokie kaip virtuvė, muzikinė kultūra, šokis, tapo unikaliu turizmo produktu.

Список литературы

1. International Tourism Highlights. 2019 Edition. – Madrid, 2019. – 24 p.
2. Indicators of Sustainable Development for Tourism Destinations: a Guidebook / World Tourism Organization. – Madrid, Spain, 2004. – 246 p.
3. Глоссарий основных терминов, относящихся к интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и традиционным выражениям культуры : материалы 33-й сессии Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору (Женева, 27 февраля – 3 марта 2017 г.). – WIPO, 2017. – 57 p.
4. Нацыянальны інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны Беларусі [Электронный ресурс] // Сайт «Жывая спадчына Беларусі». – 2019. – Режим доступа: http://livingheritage.by/2019_04_30_Inventar_NKS_daklad_Kalinowskaya_A.pdf. – Дата доступа: 16.01.2020.
5. Нематериальное культурное наследие [Электронный ресурс] // Сайт ГУК «Гродненский районный культурно-информационный центр». – 2019. – Режим доступа: <http://www.grodnokult.by/photogallery/gallery-renderer/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie.html/>. – Дата доступа: 16.01.2020.
6. В Одельске возродили праздник мельников [Электронный ресурс] // Сайт ГУК «Гродненский областной методический центр народного творчества». – 2019. – Режим доступа: <http://gromc.by/prazdnik-pisanki-proshyol-v-g-p-sopotskino-grodnenskogo-rayona/>. – Дата доступа: 06.01.2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Козуля С., Зорина Л. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Судьбы портретов из берёзовского монастыря картузианцев	3
Гончарук И. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Храм не место для экскурсий? Цивилизационное значение христианского храма в контексте культурной преемственности поколений	8
Гутовский А. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Фиксация «чудес» в контексте взаимоотношений Римско-католической церкви и властей Российской империи на территории Виленского генерал-губернаторства в XIX в.	13
Донских С. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Региональное историко-культурное наследие как фактор развития трансграничного туризма Беларуси и Литвы	18
Ирха Е. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Попытки союза православных и протестантов Речи Посполитой в конце XVI века в оценке П. Н. Жуковича	25
Кацюн А. (<i>Друскининкай, Литовская Республика</i>) В гостях у соседей: проблемы, способы решения и возможности развития туризма между приграничными регионами	31
Кенько С. (<i>Залесье, Республика Беларусь</i>) Музей-усадьба М. К. Огинского как региональный центр культурной коммуникации	36
Лявшук В. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) О символике фасада бывшего иезуитского костёла в Гродно	39
Милинкевич И. (<i>Несвиж, Республика Беларусь</i>) Судьба храмов Святого Георгия (Юрия) в Несвиже как пример конфессиональных и идеологических проблем на белорусских землях конца XVI – середины XX вв.	45
Чувак С. (<i>Гродно, Республика Беларусь</i>) Нематериальное культурное наследие Гродненского района в контексте устойчивого развития туризма	51

Научное издание

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В КОНТЕКСТЕ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Материалы Международной научно-практической конференции
(Гродно, 10–11 декабря 2019 г.)

Издаётся в авторской редакции
Ответственный за выпуск: *Р. В. Янчеловская*
Корректура: *О. А. Данилевич, М. И. Беленик*
Дизайн обложки: *Д. А. Асадчий*

Руководитель редакции *Е. А. Смирнова*
Техническое редактирование: *М. В. Вахмянина*
Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*
Подготовка обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 21.05.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 3,49. Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 90 экз. Заказ 039

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 02.04.2014.
Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно

ISBN 978-985-582-349-1

9 789855 823491 >